

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП ЛЕКСИКИ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ирина БУДЬКО

Белорусский национальный технический университет

(Минск, Беларусь)

<https://orcid.org/0000-0002-1707-4087>

irinabud_ko@yahoo.com

В статье рассматривается история изучения тематических групп лексики старобелорусского языка в течение второй половины XX — начале XXI вв. Выделяются исследования, посвященные собственно анализу различных тематических объединений лексики (юридической, сельскохозяйственной, земледельческой, музыкальной, научной, религиозной, бытовой, абстрактной и др.), всего около 30. Отдельно представлен анализ исследований, посвященных заимствованиям в старобелорусском языке, а также работ, в которых в рамках анализа языка отдельных памятников письменности изучается лексический состав данных текстов. В монографических исследованиях последних лет представляется комплексный анализ лексики старобелорусского языка раннего периода (XV—XVI вв.).

Ключевые слова: лексика, терминология, старобелорусский язык, памятники письменности, лексико-тематические группы, жанрово-стилистическая разновидность памятников письменности

THE RESEARCH OF THEMATIC VOCABULARY GROUPS OF OLD BELARUSIAN LANGUAGE: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Irina BUDKO

Belarusian National Technical University

(Minsk, Belarus)

The article deals with the history of study of thematic vocabulary groups in Old Belarusian language during the second half of the 20th — early 21st centuries. There are studies devoted to the analysis of various thematic groups of vocabulary (legal, agricultural, musical, scientific, religious, household, abstract, etc.), about 30 in total. An analysis of studies on borrowings in the Old Belarusian language is presented separately. The article analyses the works dedicated to the research of separate written monuments where their vocabulary is studied. The monographic studies of recent years present a comprehensive analysis of the vocabulary of Old Belarusian language of the early period (15th—16th centuries).

Keywords: vocabulary, terminology, Old Belarusian language, written monuments, thematic vocabulary groups, genre and stylistic varieties of written monuments

Введение

В лингвистических исследованиях второй половины XX века преимущество отдавалось взглядам на язык как на систему, то есть множество, которое состоит

из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Ф. де Соссюр писал: «Язык есть система, все элементы которой образуют единое целое, а значимость одного элемента проистекает только из одновременного наличия прочих» (Соссюр 1977: 197).

Лексическая система языка, в отличие от остальных его уровней, является открытой, количество ее элементов чрезвычайно велико, отношения между словами характеризуются сложностью и многоаспектностью. Более детальный анализ лексической подсистемы языка возможен посредством выделения отдельных лексико-семантических групп и изучения системных связей между их компонентами внутри данной группы. Такое сложнейшее переплетение слов и их отношений было бы очень трудно систематизировать, однако существуют более широкие лексические группировки, которые представляют собой объемные и сложные словарные парадигмы. В лингвистических исследованиях для таких парадигм существует целый ряд наименований: тематическая группа, лексический разряд, семантическая группа, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое гнездо, лексико-семантическая парадигма, тематические классы, семантическое поле, лексическая микросистема и др.

Из всех типов лексических классов тематические группы имеют наиболее тесную связь с соответствующим фрагментом внеязыковой действительности. По Д.Н. Шмелеву, «слова, отражая определенным образом те или иные “отрезки действительности”, связаны между собой, как связаны и явления самой действительности. Благодаря этим “внеязыковым связям” слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими» (Шмелев 1973: 13). Близкое определение тематических групп лексики дает Ф.П. Филин: «Такого типа объединения слов, которые основаны не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами» (Филин 1982: 231). О важности изучения тематических групп лексики и о богатстве возможностей для изучения языковых фактов при таком подходе применительно к историко-сопоставительному изучению языков писал И.С. Козырев: «Лексика приобретает системность прежде всего на основе связи лексических значений слов, которые организуют ее в лексико-семантическую систему, состоящую из отдельных звеньев — лексико-семантических групп (или полей, парадигм и т. п.), — распадающихся на слова. Лексико-семантические системы, лексико-семантические группы и слова... являются объектами изучения сравнительно-исторической и историко-сопоставительной лексикологии» (Козырев 1970: 37).

Обусловленность сбора фактического материала в исследованиях, посвященных изучению тематических групп лексики, не столько внутриязыковыми факторами, сколько связью предметов и явлений во внеязыковой реальности привело к тому, что одни и те же номинации попадали в сферу интересов различных исследователей. Например, тематическая подгруппа из группы религиозной лексики «названия церковной одежды и головных уборов» является составной частью большей по объему группы общеупотребительной лексики «названия одежды и головных уборов», такое же наблюдение можно сделать и относительно под-

группы «названия культовых сооружений и их частей», являющейся частью более широкого тематического объединения «названия строительных сооружений» (Будзько 1999: 38).

Все элементы тематических групп являются гипонимами относительно заголовка группы, слова, которое выражает общее для всех членов тематической группы значение, оно обычно находится не в плоскости группы, а как бы над ней. Гиперо-гипонимические отношения наблюдаются также между элементами и на более «низких» ярусах тематических подгрупп.

Слова, обозначающие подобные в определенном смысле предметы действительности и связанные единством темы, образуют тематическую группу. Белорусские диахронисты отмечают следующие показатели предметно-тематических групп: а) внеязыковой характер объединения слов; б) объединение слов с денотативным типом значения (по своему грамматическому статусу относятся к разряду существительных); в) ономаσιологический (логико-понятийный) подход к изучению лексики; г) несложность в выделении определенных предметно-тематических групп исследователями (Федарэнка 2008: 321).

«Преимуществом исследования лексики по тематическим группам следует считать возможность более полно и глубоко раскрыть семантическую структуру слов на основе анализа их понятийно-предметной соотношенности. Именно тематическая интерпретация лексических единиц показывает, что семантические закономерности, как и многие другие языковые процессы, протекают в динамической синхронии, что возникновение и закрепление номинативных значений в словах происходит на основе активно действующей в языке материальной аналогии» (Шадурскі, Казачонак, Камко 1974: 221).

«Сопоставление многочисленных лексических фактов, явлений и семантических историй определенных тематических микросистем дает возможность показать преемственность в развитии этих словарных объединений. Немаловажное значение имеют эти труды и для выяснения путей и закономерностей развития семантики отдельных слов как индивидуальных языковых единиц, связанных своим содержанием с конкретными предметами и понятиями материальной действительности» (Кацапов 1978: 2).

Первым обобщающим трудом по исследованию предметно-тематических групп старобелорусского языка является «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы», авторы (А.Н. Булыко, А.И. Журавский, Е.И. Янович, З.К. Турцевич, В.А. Аниченко) поставили перед собой цель определить внутренние закономерности становления и развития лексико-семантической системы одного из древних славянских языков, раскрыть и показать те изменения, которые ощутил словарный запас белорусского языка на протяжении многовековой эволюции. В данном исследовании авторами рассмотрены этимологические и семантические характеристики наиболее представительных предметно-тематических групп старобелорусского лексикона: общественно-политическая, военная, научная, лексика сферы бизнеса и торговли; было отмечено, что материал памятников старобелорусской письменности свидетельствует о том, что данные тематические

группы лексики представлены неодинаково в произведениях различного жанрового и хронологического наполнения. Самой богатой и разнообразной в старобелорусский период была деловая письменность, именно эти тексты показали наибольшую мобильность словарного состава в хронологическом и территориальном отношении, именно в них засвидетельствован наибольший процент лексики живого народного языка и была представлена общественно-политическая лексика (названия лиц по социальному статусу, юридическая терминология, названия податей, денежных единиц, лексика, связанная со сферой торговли и т. д.), в то время как книжная лексика, абстрактные понятия, слова, обозначающие различные научные направления, встречаются в текстах религиозного и художественного содержания (в агиографической литературе, в полемических текстах периода Брестской церковной унии 1596 г., в переводах Библии, хрониках и хронографах, летописях, произведениях мемуарной литературы, рыцарских романах и повестях).

В главе «Тематическая характеристика старобелорусской лексики» А.И. Журавский пишет об объективной трудности изучения словарного состава старобелорусского языка, одновременно указывая на терминологические расхождения в обозначении предметно-тематических групп лексики: в литературе параллельно используются такие понятия, как «лексический пласт», «тематическое объединение», «лексико-семантическая группа», «лексическое гнездо» и др. Как отмечает А.И. Журавский, это вызвано «не только и даже не столько взглядами на данные лексические категории, сколько сложным структурно-морфологическим и лексико-семантическим переплетением словарных образований внутри языка» (ГЛБМ 1970: 162).

В середине XX века славистические исследования пополнились работами, посвященными изучению тематических групп лексики в синхронном срезе, диахронии и диалектах славянских языков. Как следствие, появилось множество исследований, посвященных теоретическому изучению данной лингвистической проблемы. Ученые-диахронисты отмечают следующее: «... многие из лексических пластов... языка характеризуются некоторой невыразительностью, неочерченностью своих границ, слабой семантической взаимозависимостью между словами как отдельными компонентами таких словарных объединений. Это обстоятельство, понятно, не позволяет до конца раскрыть смысловую структуру слова как лексемы во всей совокупности ее форм и значений и на этой основе определить соотношение слов и их особенности в лексической системе языка» (Шадурскі 1966: 178). Однако далее автор указывает на то, что исследование лексики древних языков по определенным группам имеет ряд преимуществ: «Проводя исследование на основе изучения лексико-семантических групп, выделенных из состава более значительных по количественному составу словарных объединений, можно не только всесторонне раскрыть связи между словами и обозначаемыми ими предметами, процессами и явлениями, но и дать развернутую характеристику семантической структуры слова, выявить основные закономерности развития лексики языка...» (Шадурскі 1966: 181).

Планомерное изучение лексики старобелорусского языка началось в середине прошлого века. Исследования, посвященные изучению определенных лексических пластов, можно разделить на три группы. К первой принадлежат научные работы, посвященные изучению конкретной тематической группы лексики старобелорусского языка. За более чем шестидесятилетнюю историю современного белорусского языкознания было исследовано около 30 тематических групп старобелорусского лексикона. Большинство исследований закончились оформлением кандидатских диссертаций, некоторые из которых не были завершены по объективным причинам, однако авторы оставили ряд научных публикаций, демонстрирующих промежуточные выводы исследования.

Ко второй группе принадлежат работы, посвященные исследованию заимствований в старобелорусском языке. Дело в том, что заимствованная лексика также изучалась многими исследователями по тематическим группам, благодаря чему ученые делали выводы не только о путях проникновения той или иной лексики в старобелорусский словарь, но также смогли определить актуальность с тематической точки зрения прибывающих лексем и, как следствие, актуальность реалий и понятий, которые нуждались в номинации и были востребованы в средневековом обществе.

К третьей группе относятся те исследования, а их к настоящему времени накопилось немало, которые посвящены изучению языка отдельного памятника старобелорусской письменности. Обычно исследование велось по языковым уровням, практически каждая работа включала также описание лексической системы конкретного текста, представленной анализом тематических лексических групп. Сюда примыкают исследования, посвященные изучению лексики конкретных памятников письменности.

I. Результаты исследований конкретных тематических групп лексики старобелорусского языка

Если обобщить результаты нескольких десятков исследований, посвященных изучению тематических групп старобелорусского языка, то некоторые наблюдения напрашиваются сами собой. Во-первых, очевидна некоторая хаотичность и неупорядоченность определения тематических групп, выбираемых для исследования. Очевидно, что не существовало определенного плана в распределении тематических групп для изучения: от более актуальных к менее актуальным. Однако в сферу интересов исследователей уже с самого начала все-таки попали такие важные тематические группы, как юридическая и общественно-политическая лексика. Во-вторых, и это уже очевидно сегодня, в течение почти полувека изучения тематических групп лексики старобелорусского языка была исследована практически вся периферия лексической системы, в то время как ядро, то есть общеупотребительная лексика и, в первую очередь, глагольные номинации оказались пока вне интересов исследователей. Лагуна эта начала заполняться совсем недавно.

Достаточно интересным, на наш взгляд, представляется факт (возможно, продиктованный политическими мотивами), что одни из первых проанализированных тематических групп лексики отражали номинации, связанные с традиционным сельскохозяйственным укладом жизни средних и низших слоев общества, то есть крестьян и ремесленников (работы конца 60-х годов прошлого века), в то время как к концу XX века исследователям предлагали для анализа такие тематические группы, как религиозная лексика, анатомо-физиологическая и медицинская лексика, музыкальная лексика и т. п.

1. Исследования лексики, отражающей традиционный уклад жизни крестьян и ремесленников

Данная проблематика нашла отражение в работах, посвященных сельскохозяйственной лексике (Шадурский 1967), промысловой лексике (Купреенко 1968), номинациям домашних животных (Зеневич 1970), огороднической и садовой лексике (Казачонак, Шадурский 1975, Казаченок 1976) и земледельческой лексике (Кацапов 1978).

Земледельческая лексика старобелорусского языка анализировалась с точки зрения установления ее семантического объема, словообразовательных возможностей и, что достаточно редко встречается в работах подобного плана, территориального распространения и дальнейшей судьбы отдельных лексем в белорусском языке. В качестве объекта исследования выступили названия пахотных земель и названия сенокосно-пастбищных угодий. Так, по наблюдениям Л.А. Кацапова, термин *пахотная земля* в старобелорусском языке обозначал всякий подготовленный к посеву или уже засеянный зерном участок земли, для его номинации использовались также лексемы *земля, кгрунтъ, ролья, поле, пашня, нива, урочище, угодье*. Как родовая номинация функционировала лексема *земля*, в качестве видовых названий участка, подготовленного к севу, употреблялись *ролья, проробокъ, оранье, зябль, роспашъ*; как номинации участка, очищенного от леса и подготовленного к севу, *лядо, розробокъ, просеченье*; как номинации участка, засеянного зерном, *нива, засевокъ, всходы, присевокъ*; как номинации участка из-под снятого урожая определенного растения *ржище, гороховище*; как номинации участка земли, оставленного без обработки, *дырванъ, облогъ, перелогъ, яловина*. Со временем для номинации пахотных земель все чаще стало употребляться слово *пашня*, которое использовалось также в результате метонимического переноса для названия высеянного или обмолоченного зерна. Автор исследования обращает внимание на то, что в пределах данного тематического объединения широко функционировали номинации, образованные от глаголов *орати* и *пахати* (*ролья, оранье, приоръ, воръ, узворъ; пашня, пахота, припашъ, роспашъ, запашка*), а также лексемы, генетически восходящие к словам, тематически напрямую не связанным с данной терминологической группой (*паренина, яловина, навозъ, погной, озимъ, лядо, проробокъ* и др.). В процессе исследования Л.А. Кацапов выделяет различные микрогруппы дифференцированных названий хозяйственных земель, используемых для выращивания зерновых и других культур, в пределах

данных микрогрупп исследуется семантический объем номинаций, этимология, судьба в белорусских диалектах и современном белорусском языке. Анализу подверглись названия собственно пахотных земель (*попарь, паренина, зябль, мешать* ‘вторично вспаханное перед посевом поле’, *угорь* (лексема польского происхождения)); названия засеянных земель (*засевь, засеянье, засевокъ, запашка, озимь, озимина, ярь, ярина, яриво*); названия земельных участков в зависимости от выращиваемых на них культур (*ржище, гороховище, репище*); названия искусственно удобренных пахотных земель (*навозь, погной, загной, гнойница*); названия добавочных земель (*наддатокъ, наддавокъ, придатокъ, прибавокъ*); названия лядных земель (*лядо, лядище*, инновация *новина* ‘впервые засеянное на очищенном от деревьев и кустарника месте поле’, антонимом к которому выступает *старина*; особенности процесса качественного преобразования хозяйственных площадей отражены в номинациях типа *проробокъ, разробокъ, пропашь, пасека, роспашь, припашь*); названия залежных земель (большинство лексем этимологически восходят к корню *пуст-*: *пустошь, пустки, пустище, пустовицзна, пустовицина, земля пустая, земля пустовская*).

Еще одна группа лексем в составе земледельческой лексики, — это названия сенокосных земель и пастбищных угодий. Автор исследования по земледельческой лексике обращает внимание на процесс вытеснения в памятниках письменности древнерусское *сенокосъ* белорусским *сеножать*, которое в определенных контекстах могло заменяться синонимами *кгрунтъ, огородъ, болото, моркгъ*. Номинации пастбищных угодий, по словам автора, мотивируются глаголами *пасты, гнати, выпустити* (*паша, паства, пасовиско, паствиско, пастовникъ; выгонъ, прогонъ; выпустъ*). В номинациях сенокосно-пастбищных угодий прослеживается мотивация по признаку местности (рельефа): *доль, долина, суходоль, ровь, логъ, грудь, гряда, островь*. Часть номинаций мотивирована качеством почвы (точнее, степенью ее увлажненности) и восходит к корневым *болот-о* и *мокр-*: *болотный, болотливый; болотко, болотечко, болотина; надболотье, заболотье; мокредь, мокрина, мочити, мочылина, можьдчалина*; специфика белорусского ландшафта продиктовала и наличие номинаций, мотивированных словом *мохъ*: *мишарина, мишаринь, мышиникъ*. Для пастбища и сенокоса использовались и участки, поросшие невысокими деревьями и кустарником, возникновение этих номинаций обусловлено метонимическим переосмыслением: *заросль, паросникъ, хворость, хворостникъ, лоза, олесъ, дубнякъ, липнякъ, березникъ* и пр. В заключении автор исследования рассматривает судьбу данных номинаций в белорусском языке. Некоторые из них сохранились без изменений (*засеў, ярына, азіміна*), другие изменили семантику (*аблога, пустка, ніва*), третьи вышли из активного употребления (*наддатокъ, застенокъ, погной*). В отношении номинаций данного тематического объединения сделан вывод о том, что «лексические значения компонентов этой тематической микросистемы развивались на базе метонимических и синектохальных переносов... Большинство слов тематической микросистемы названий участков хозяйственных земель обогатило свою семантику на основе так называемой материальной, или понятийной, аналогии» (Кацапов 1978: 17–18).

Целью работы, посвященной номинациям домашних животных в старобелорусском языке (Зеневич 1970), автор ставит раскрытие семантики и особенностей употребления названий домашних животных в памятниках белорусской письменности, а также изучение их дальнейшей судьбы в белорусском языке. В работе рассматриваются наименования домашних животных, которые выступают в качестве родовых в отношении к конкретным видовым названиям: а) *скотъ, скотина, животы, животина, быдло, добытокъ, товаръ, худоба*; б) *стадо, статокъ, череда*; в) *поголовье, приплодокъ*. Автор обращает внимание на постепенную замену общего для восточнославянских языков *животина* полонизмом *быдло*, которое произошло к XVII в. Внимание исследователя также привлекли терминологические сочетания *скотъ рогатый — быдло рогатое, быдло великое, быдло малое* и др., а также способ возникновения новых номинаций путем переноса наименования с целого на часть: *животы (животъ), живность, добытокъ, товаръ, худоба*. В работе также анализируются названия конкретных животных: *конь, кляча* (слово *лошадь* не было характерным для старобелорусского языка), *свирепа, кобыла, жеребець*, полонизм *дрыкгантъ, меринъ, валахъ* (последние два употреблялись в значении ‘кастрированный жеребец’). Для наименований особей крупного рогатого скота в памятниках письменности использовались номинации *корова (тельная, дойная, яловая (яловица), дровица (древица)*, ср. бел. диалектное *дроўка, дровушка* ‘корова-первотелка’), молодую самку называли *яловица, яловка, яловочка, телица, теличка, телушка, телочка*; для дифференциации по возрасту употреблялись *однорочная, озимка, лон(ь)ская, сеголетняя, летошняя, такърочная, двулетка, третячка, третякъ* и т. д. Для номинации самца использовались лексемы *быкъ, бычокъ, стадникъ, волъ* ‘кастрированный бык’, а также словосочетания *быкъ валашаный (волошенный), быкъ хорошаный*, неприученый к ярму — *неукъ, неукий, неоремый*.

Отдельный раздел работы посвящен анализу наименований овец, коз и свиней: *овца* (употреблялась в сочетании с адъективами *дойная, старая, молодая*), *овечка, баранъ, скопъ, скопець, ягня (ягне, ягнятъко), коза*. Лексемы *свинья* и *вепрь* в старобелорусских документах употреблялись также в значении единиц измерений, *конорезъ, кноръ* (и сейчас встречается в диалектах), *кабанъ, подсвинокъ, порося*. Автор делает вывод о том, что индоевропейские и общеславянские в своей основе номинации данного тематического объединения лексики сохранились в современном белорусском языке практически без изменений, они встречаются также в диалектах, чего нельзя сказать о заимствованиях, которые до нашего времени практически не дошли (полонизмы *быдло, дрыкгантъ, свирепа*; тюркизмы *бахматъ, бедевей, громакъ*). В более поздний период функционирования старобелорусского языка возникли сложные в структурно-морфологическом отношении номинации *подсвинокъ, подтелокъ, подъездокъ, возникъ, стадникъ, годунецъ, однолетокъ, пятилетка* и пр.

Промысловая лексика представлена в работе В.А. Купреенко (1968), автор ставит задачу проанализировать семантику номинаций, отражающих процессы бортничества, рыболовства и охотничьего промысла, проследить судьбу

выбранных номинаций на протяжении истории развития белорусского языка. Автор обращает внимание на то, что среди названий животных, рыб, пчел преимущественно встречаются слова общеславянского происхождения; к эпохе общевосточнославянского единства восходят лексемы, характеризующие занятия бортников, рыболовов, охотников и их орудия труда (*насека, лезиво, пуца, ручница, затока, котцы*), основу промысловой лексики составляют слова, общие для древнерусского и старобелорусского языков; к периоду формирования белорусской народности восходят номинации *пчельница, свепеть, обрубь, зеремана, важа, колоша* и др. Среди заимствований в данной лексической группе автор исследования отмечает германизмы (*броварь, пулгакъ, горностаи*), галлицизмы (*сакъ, карпъ*), слова финского происхождения (*семга*), шведского (*сельдь, плотка*), латинизмы (*барилло*), полонизмы (*гарнецъ*), литуанизмы (*берковескъ*), тюркизмы (*сагайдакъ, шатерь, барсукъ*). К лексемам, общим для старобелорусского и старопольского языков, автор относит *лезиво, рубежь, сокольникъ*. Проанализирована лексика данной тематической группы и на предмет наличия в древнерусском языке. Сделано наблюдение, что часть номинаций не отмечается в источниках (*обрубь, оступь, уходы*), в то же время они присутствуют в произведениях белорусских авторов XIX в. Только сочетание *бобровые гоны* было популярным у всех восточных славян.

Исследователь обратил внимание и на наличие подобных лексем в современном белорусском языке; автор отмечает, што лишь небольшое количество слов вышло из употребления, часть номинаций активна и по сей день (*ловы, уходы, ставище, рыбникъ, осочникъ*). Это прежде всего касается наименований пчел, зверей, рыб, продуктов, угодий, а также лиц, занимающихся данным видом промысла (*бортникъ, рыбакъ, стрелець*). Слова, которые обозначали различные виды снастей, приспособления для охоты оказались неустойчивыми в языке и вышли из употребления (*улейница, кореникъ, важа, околы*).

2. Исследования строительной и минерологической терминологии

Данная проблематика нашла отражение в работах М.А. Корчиц (1970) и Н.Р. Мордас (1991). М.А. Корчиц, автор исследования по строительной лексике старобелорусского языка, обращает внимание на широкий спектр номинаций, входящих в данное тематическое объединение: названия строительных процессов и лиц, выполняющих эти процессы, наименования многочисленных строительных объектов и инструментов, наименования строительных материалов и их характеристик. Исследование выполнено в основном на материале деловых памятников письменности XV–XVII вв., здесь представлен также этимологический анализ лексем. Так, автор указывает на то, что ядром данного тематического объединения являются слова, восходящие к общеславянскому или к индоевропейскому языкам: *бервено, брусъ, вапна, верхъ, гвоздь, глина, дерево, дернъ, камень, колъ, колода, лопата, мостъ, мотыка, порогъ, свидерь, секера, уголь, хворостъ* и проч. Лексика восточнославянского языкового единства: *всходъ, гридня, заступъ, кровля, лотокъ, наймитъ, напилокъ, пахникъ, плотникъ* и др. В составе данного тема-

тического объединения выделяются слова, известные в нескольких славянских языках: в восточнославянских, польском, чешском (*зрубъ, оконница, претесь, припечокъ*), белорусском, украинском, польском (*засовка, каменица, защепка, муляръ, поденникъ, начине*). В качестве собственно белорусских наименований автор отмечает следующие: *быконки, витки, доръ, западня, качка, кладъ, ключище, мотница, мурованье*. Количество заимствований в данном тематическом объединении автор выделяет небольшое (86 слов), отмечая особую роль польского языка как посредника для проникновения слов из западноевропейских языков в старобелорусский: *бляха, мачулы, мурляты, сталюга, цегла, ванчось, рама, клямка*. Собственно из польского языка пришли номинации *вить, даховка, западка, здунь, корунка, мешканье, паренче, посадзка, посмыкъ, рыдель*; из латинского *кватера, комната, каминь, материй, миния, фундаментъ*; из греческого *сурикъ, плита, лазоръ*; из литовского *дойлидъ, пакуля, применъ, склютъ, румъ*. М.А. Корчиц отмечает в рамках данного тематического объединения широкую вариантность: фонематическую (*гончаръ — ганчаръ, колода — калода, песокъ — пясокъ, жерде — жеръдзе, тесля — цесля, ключище — ключыще, крюкъ — крукъ*), грамматическую (*гонть — гонта, кахель — кахля, дойлидъ — дойлида, дернь — дерна, завесь — завеса*), акцентологическую (*скоба — скаба*). Автор также исследует основные способы терминообразования, самым распространенным из которых в то время был морфологический, в рамках которого выделяются префиксальное (*подизбица, подятки*), суффиксальное (*печуръ, тартичникъ, лавина*), суффиксально-префиксальное (*поденичикъ, покутникъ*) и безаффиксное (*завесь*) словообразование. Среди других способов отмечены следующие: фонетико-морфологический (*просекъ, входъ, стругъ, протесь, столъ*), синтаксический (*топоръ — топоръ дойлидский, топоръ, сталмаский*), семантико-синтаксический (*будованье ‘постройки’, мурованье ‘каменные постройки’*), семантический (*брусъ ‘четырёхгранный камень для точения’ — брусъ ‘четырёхгранное бревно’*). Значительная часть исследования посвящена анализу терминологических словосочетаний, которые в зависимости от числа компонентов автор разделяет на простые, двучленные и многочленные, последние состоят из трех и более знаменательных слов. Наиболее продуктивными отмечены двучленные сочетания, соятоящие из существительного и прилагательного (*майстеръ мулярский, замокъ простой*), на базе которых развивались многочленные сочетания (*двери на завесахъ замчистые, печь белая щерепиць простыхъ*). По наблюдениям исследователя, не все терминологические сочетания образовались простым сочетанием отдельных компонентов, часть возникла в результате эллипсиса, пропуска полнозначных слов (*кафля поливаная белая — кафля белая, цвечки шмальцованые черные — цвечки шмальцованые*). В своем исследовании М.А. Корчиц также устанавливает критерии, по которым происходит наименование обозначаемых предметов: материал, из которого сделан предмет (*блены скленные, бляха жестяная*), строительный процесс (*печь мурованая*), производственное назначение предмета (*бервене иструбное*), степень готовности (*цегла готовая*), двигающая сила (*пила ручная*), способность выполнять определенное действие (*оконницы засовистые*) и под. С точки зрения семантической структуры в анализируемой тематической

группе представлены моносеманты (*доръ, заступъ, печуръ, тесла, тачка*) и полисеманты, которые входят в состав строительной лексики по одному или нескольким терминологическим значениям (*пята, венець, колодка, дуга*). По наблюдениям автора исследования, основной тип переноса значения, на основании которого лексема входит в состав терминогруппы, — метафора (перенос на основе сходства предметов) (*ключъ* ‘приспособление для разводки зубьев пилы’, *венець* ‘один ряд бревен в срубе’). Терминологические значения некоторых номинаций появились в результате образного переосмысления объектов действительности: *барань* ‘приспособление для забивания свай’, *гусаць* ‘вид черепицы’. Среди собственно белорусских номинаций автор отмечает следующие: *плитникъ* ‘печник’, *хлудъ* ‘строительный материал из дерева’, *муръ* ‘каменное здание’, *припечокъ* ‘крыльцо’, *корунка* ‘вид изразца’ и др. Особое внимание исследователя привлекло соотношение родо-видовых понятий в области данной терминологии: «при более детальной дифференциации понятий видовые слова могут свободно становиться организующим центром объединения подвидовых наименований, выполняя по отношению к последним функцию родовых слов» (Корчиц 1970: 16). В области системных отношений внутри данного тематического объединения проанализированы синонимические, примыкающие к ним вариативные и антонимические связи. В области синонимии выделены как простые, двучленные объединения (*скринникъ — столяръ*), так и синонимические ряды (*лопата — заступ — рыдель; муляръ — гончаръ — печуръ — здунъ — плитникъ*), автор также обратил внимание и на деривационные возможности изучаемых лексем, благодаря которым возникли однокоренные варианты, различающиеся морфологическими средствами: *грядня — грядница, наемникъ — наймитъ, напилокъ — пильникъ* и пр. Синонимия коснулась не только отдельных лексем, но и терминологических словосочетаний: *секера тесельская — топоръ дойлидский, седенье летнее — гганокъ выпуцоный*. Проанализированы также пути образования синонимических словосочетаний: а) при обозначении самого предмета и его дифференцирующего признака; б) при наименовании одного и того же дифференцирующего признака при помощи слов-синонимов; в) при обозначении дифференцируемого предмета синонимическими словами (Там же: 17). Автор отмечает и антонимические термины, хотя их немного: *будованье* ‘деревянное строение’ — *мурованье* ‘каменное строение’; *хоромы* ‘жилые постройки’ — *будованье* ‘хозяйственные постройки’.

3. Исследования лексики, отражающей общественно-политическое и экономическое устройство общества

Данные лексико-семантические группы нашли, пожалуй, самое широкое отражение в лингвистических исследованиях, где проанализированы следующие пласты лексики: социально-экономическая лексика (Гилевич 1971), юридическая терминология (Лазовский 1966), торговая лексика (Даунене 1965; Даунене 1967), общественно-политическая терминология (Казачэнка 1997); часть номинаций данного семантического поля проанализирована в отдельных разделах монографии «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (ГЛБМ 1970: 163–195).

Юридическая терминология старобелорусского языка проанализирована в диссертационном исследовании В.М. Лазовского (1966). В работе описана именная юридическая терминология, которая выбрана только из деловых памятников старобелорусского языка XV–XVII вв. Этимологический анализ отобранных номинаций позволил автору разделить их на три группы, в соответствии с которыми и была структурирована вся работа: правовые наименования общевосточнославянского происхождения; номинации, которые возникли в период формирования белорусской народности, заимствованные термины юридической сферы. Анализируя наименования, восходящие к древнерусскому лексикону, исследователь делает вывод о том, что «в период формирования языка белорусской народности явилась их семантическая многоплановость и смысловое перекрещивание с другими предметно-тематическими и абстрактно-обобщенными объединениями словарного состава языка» (Лазовский 1966: 6). В качестве объекта исследования автор выбрал а) слова, относящиеся к судопроизводству; б) слова, связанные с обозначением понятий преступления и преступников; в) слова, отражающие исполнительскую деятельность суда. Наиболее полно смысловой оттенок правовой сферы вобрало в себя слово *судъ*, которое на белорусской почве претерпело ряд семантических изменений, в основном за счет появления целого ряда терминологических сочетаний: *кгородский судъ*, *подкоморский судъ*, *головной трибунальский судъ*, *дальший судъ*, *належный судъ*, *духовный судъ* и т. д., такие же наблюдения автор делает и в отношении слова *судья* и сочетаний *земский судья*, *кгородский (замковый) судья*, *головной судья*, *головной трибунальский судья*. Полученное в наследство от древнерусского периода наименование *истецъ* на белорусской почве расширило свою семантику и, помимо значений ‘предъявитель иска’ и ‘ответчик’, стало обозначать ‘владелец имения или какого-либо другого имущества’, одновременно употреблялись номинации *сутяжа*, *сутяжай* и *сутяжникъ*. Кроме того, слово *истецъ* вступало в синонимические отношения с существительными *жалобникъ* и *поводъ* ‘лицо, предъявляющее иск’. От древнерусского языка в старобелорусский перешло также слово *сторона*, обозначающее одного из двух противников тяжбы, семантика которого также уточнялась в составе различных терминологических сочетаний: *поводовая сторона*, *жалующая сторона*, *жалобливая сторона*, *болячая сторона*, для обозначения ответчика употреблялись сочетания *отпорная сторона* и *противная сторона*, свидетель наименовался *позванная сторона*. Лексема *свидетель* к XVI в. вытеснилась словом *светка*. От общевосточнославянского языкового фонда в старобелорусский лексикон попали номинации *сокъ* ‘обвинитель’, которое на белорусской языковой почве расширило семантику и стало обозначать лицо, наблюдающее за порядком и докладывающее о правонарушениях, и *детский* — название судебного служебного лица, наделенного исполнительной властью. Сужение семантического поля и приобретение терминологического значения характерно для лексем *жалоба* (в XVI в. начало вытесняться полонизмом *скарга*), *присяга*, *жеребеи*. Терминологизация слова *обычай* происходила за счет определений *злодейский*, *ночной*, *мордерский*, *братерский*, *згодливый*, *еднаный*, *приятельский*. Действия, которые не противоречили правовым нормам ВКЛ,

определялись как *годный обычай, рядный обычай, слушный обычай*. От древнерусского языка в старобелорусский перешли также термины, связанные с преступными действиями и преступниками: названия преступлений (*грабежь, татьба, злодейство, крадение, розбой*); названия преступлений, направленных против жизни человека (*убийство, забойство, забитье, насилье*); названия поджогов (*пожарь, пожогь, попаленье*); названия преступников (*злодеи, розбойникъ, тать*). Центральное место в исследовании занимает анализ тех правовых наименований, которые возникли собственно на белорусской языковой почве, автор выделяет среди них лексические и семантические образования. При помощи общевосточнославянских языковых формантов возникли номинации, образованные: а) суффиксальным способом (*винникъ, копникъ, коповище*); б) префиксальным (*просудь, отзовь, росправа, позва*); в) префиксально-суффиксальным (*розсудокъ, отысканье, огледанье, поприсежьене*); г) способом основосложения (*злочинство, злочинца*). Особое внимание автор исследования уделяет возникновению субстантивированных номинаций: а) названиям тяжущихся сторон (*виноватый, винный, выездчий, дельчий*); б) названиям штрафов и выплат (*суженое, памятное, вижованое*). К семантическим образованиям нового времени исследователь относит номинации, которые приобрели новое терминологическое значение, относящееся к правовой сфере: *пень* 'место отправления судебного процесса, суд', *копа* 'собрание людей, в основном крестьян, для расследования какого-л. дела'.

Значительная часть юридической терминологии старобелорусского языка представлена заимствованиями. В количественном отношении преобладают полонизмы: *кгородъ, рочки, скарга, поводъ, заводца, лавникъ, едначь, речникъ, возны, ображенье, обелженье, потварца, лупежца, запалачъ, сказанье, выналязокъ, выволане*. Лексемы латинского происхождения также составили значительную часть данного тематического объединения: *статутъ, трибуналь, прокураторъ, апелляция, тестаментъ, привилей*. Отмечены также и германизмы: *бурмистръ, войтъ, кглейтъ, мордерь, кгвалтъ, турма*. Автор исследования в заключении делает вывод о том, что пополнение тематической группы юридической лексики старобелорусского языка происходило за счет внутренних языковых ресурсов, за счет развития терминологических значений в нейтральных номинациях, а также за счет заимствований, в основном, из западноевропейских языков (Лазовский 1966: 16).

В словарном составе старобелорусского языка высокой степенью развития характеризуется общественно-политическая лексика, в которой отразились важнейшие социальные явления, экономические и политические особенности периода жизни белорусского народа в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). Эта наиболее важная лексико-семантическая группа сформировалась на базе древнерусской общественной терминологии. Ее дальнейшее развитие происходило с учетом того, что старобелорусский язык исполнял функцию государственного и обслуживал сферу законодательства, судопроизводства и деловую переписку не только внутри государства, но и в международном масштабе. Значительную роль на формирование этой лексической группы оказало влияние соседних языков, прежде всего польского, в меньшей степени — чешского и немецкого. Многие

термины этой группы формировались под непосредственным влиянием средневековой латыни, которая была юридическим языком того времени во многих европейских государствах.

Разветвленный классовый характер белорусского общества того времени представлен широким спектром номинаций. Так, для обозначения представителей высшего сословия функционировали номинации *князь* (*княжа*) и *пань*: княземъ, гѣомъ, воеводамъ, кашталаномъ ... в мѣсте нашо^м віленскомъ боудоучи^м (Апакр., 29); который па^н бждет позванъ на ро^к (Вісл., 166); отмеченные номинации имели широкий семантический спектр и были составной частью многих устойчивых сочетаний слов, в том числе и юридического терминологического характера: *Паны рада* (*панове рада*) — государственный орган в ВКЛ. Средние классы населения состояли из мелкопоместного боярства, которое постепенно превращалось в дворянское сословие и получило название *бояре-шляхта*. Достаточно sporadически в памятниках белорусской письменности встречается номинация *бояре* (*бояринь*, *боляринь*). Постепенно, начиная с XVI в., наряду с отмеченными номинациями под влиянием польского языка употребляется собирательный субстантив *земяне*. Номинация *шляхта* была достаточно широко распространена и находилась на вершине развитого словообразовательного гнезда: *шляхетный*, *шляхетне*, *шляхетность*, *шляхетский*, *шляхетство*, *шляхтичъ*, *шляхтянка*, *нешляхетникъ*, *прешляхотный*, *ушляхтити*. В качестве номинации подневольных людей функционировало сочетание *челядь невольная*, которому противопоставлялась *челядь вольная*, которым обозначались вольные люди, которые находились на службе у помещика (однако юридически они мало чем отличались от первых). Степень зависимости подневольных людей от их хозяев выражалась сочетанием слова *челядь* с соответствующими адъективами: *челядь отчизная* — невольники родовых имений, которые переходили от хозяина к хозяину по праву наследования, *челядь посполная* — невольники, которые находились в коллективном владении у нескольких хозяев, *челядь позычная* — невольники, которые передавались на определенных условиях другому хозяину, *челядь дворная*, *домовая* — слуги, которые работали непосредственно в хозяйском доме. Для названия одного подневоленого существовал целый синонимический ряд: *челядникъ*, *челядинъ*, *дитина невольный*, *невольникъ*, *паробокъ*, *паробокъ невольный*, *чоловекъ*. Подневольные женского пола обозначались номинациями типа *девка невольная*, *жонка невольная*, *челядница*. Частичным синонимом к вышеотмеченным номинациям выступает существительное *слуга*, хотя по юридическому праву эта номинация дифференцировалась по отношению к *невольникъ*: не мають све^тчити нево^лники слуги за пано^в (Ст. 1566, 62). Практически не встречаются в белорусских юридических текстах XVI–XVII вв. номинации, которые были широко распространены в древнерусском словаре: *рабъ*, *роба* и *холопъ*. Их употребление в текстах старобелорусской письменности ограничивается религиозными жанрами: ѿ^тпусти мене раба свое^г з покое^м ведлу^г свое^с ѿбѣтницы (Бельск., 2006). Что касается номинации *слуга*, в эпоху позднего Средневековья она продолжала развиваться в сторону терминологизации и широко употреблялась для обозначения различных должностей

государственной службы: *слуга городской (местский)* — лицо, которое находилось на службе городской управы, *слуга доспешный (щитный, конный, панцерный)* — служащий, который выполнял поручения, связанные с военными походами; *слуга посельский* — служащий, в обязанности которого входили различные посольские поручения; *слуга путный* — посыльный и т. д. Номинации для представителей деревенского населения не столь дифференцированы иерархически, но отличаются богатой синонимикой: самую многочисленную категорию трудового деревенского населения обозначали словом *люди*, частичными и полными синонимами к нему выступают *мужи, мужики, смерды, черные люди, кмети, холопы, подданные*. В качестве общей номинации подневольных выступал собирательный субстантив *поспольство*. Для номинации деревенского населения, которое работало на панщине, употреблялось сочетание *тяглые люди*, сама панщина называлась словом *тягло*, а повинность нести панщину — *тяглая служба*. По наблюдениям авторов ГЛБМ, широким спектром дифференциальных номинаций представлены названия различных подневольных людей, которые имели свой, строго определенный вид занятий: *конюхъ, конюхъ седельный, машталтеръ, кобыльникъ (лейтъ), стадный конюхъ (ройтиникъ)* — обслуживающий персонал конских заводов, *конокормець, стадникъ, свинарь, пастухъ, бортникъ, подлазникъ* — пчеловоды, *рыболовъ, неводникъ* — рыболовы, *бобровникъ* — смотритель бобров, *осочникъ* — лесник, *ловець, мысливецъ, стрелець* — охотники, *сокольникъ* — дрессировщик соколов, *пташникъ, шатерникъ* — птицеловы, *псарець* — дрессировщик охотничьих собак, *будникъ, смоляръ, дегтярь, угольникъ, клепаць* — специалисты, которые добывали пепел, уголь, смолу, гнали дёготь, делали клепки для бочек, *соляникъ* — добытчик соли, *рудникъ* — добытчик руды, *огородникъ, садовникъ, млынаръ (мельникъ)* и т. д. К этой же группе номинаций примыкают *бондарь, гончарь, дойлида, коваль, кравецъ, лучникъ, мечовникъ, шевецъ*.

Разветвленная система дифференциации использовалась для номинации крестьян с точки зрения степени их свободы (т. е. возможности или невозможности покинуть своего хозяина). Так, словом *непохожие* обозначались крестьяне, которые ни при каких условиях не имели права уходить от своего хозяина, им противопоставлялись *похожие* — те, кто еще пользовался таким правом. Равнозначными номинациями по отношению к *непохожим* являлись *отчичъ (чоловекъ отчинный), чоловекъ заседлый, старожилецъ*. В ВКЛ существовали различные виды аренды земель, поэтому в старобелорусской юридической терминологии представлены номинации типа *оброчникъ (врочникъ)* — крестьянин, которого перевели на оброк, *куничникъ* — крестьянин, который арендовал землю и платил налог *куницу*, *данникъ* — крестьянин, который платил дань непосредственно в государственную казну, *койминець* — крестьянин, который жил за границами владений своего хозяина, но тем не менее платил ему оброк. Бедные слои городского населения назывались *мещане*, к ним по социальному статусу приближались *предмещане* — жители предместий.

Имущественные отношения также широко представлены в словаре старобелорусского языка. Общие понятия богатство — бедность назывались соответ-

ственно *богатство* — *нендза*, *нужа*, *убозство*, таким образом противопоставлялись *богатый*, *богачь*, *обогаченный*, *знатный*, *сытникъ* и *бедникъ*, *бедница*, *немаетный*, *нендзный*, *нендзникъ*, *убогий*, *жебракъ*, *жебранина*, *жебрующей*. Имущество номинировалось субстантивом *маетность*, могло быть недвижимым *лежащая маетность* и движимым *рухомая маетность*, *бонда*, *статки домовые*, наличные деньги обозначались как *истизна*. Львиную долю имущества граждане ВКЛ получали в наследство: *дедина* (*дедизна*) — дедовское наследство, *отчина* (*отчизна*) — отцовское наследство, *материзна* — материнское наследство, *стрыевщина*, *братчина* — наследство, полученное от дяди по материнской линии и брата соответственно. Имущество, полученное в результате заключенного брачного союза, могло называться *вено*, *внесенье*, *выправа*, *посагъ*, *приданое*, а то, что получала жена в качестве компенсации, — *вено*, *венокъ*, *выправа*, *оправа*, *привенокъ*. Если определенным неразделенным имуществом владело несколько человек, оно называлось *себренное именье*, а владельцы назывались соответственно *сябрь*, *потужникъ*, *дольникъ*, *половинникъ*, *товарищъ*.

Широкий спектр номинаций существовал и для обозначения различных налогов в ВКЛ: *дякло* (образовано от *тягло*) — натуральный налог зерном, *мезлева* — натуральный налог животными, птицами, яйцами, *поборъ* — временный налог, *поголовный поборъ* — сбор средств для борьбы против татарских набегов, *дань* (*данина*) — денежный налог в приднепровских и задвинских областях, *поземь* — плата за пользование приусадебной землей, *серебщина* (*серебщизна*) — налог на военные нужды (в отдельных волостях он назывался *посощина*, *подымщина*, *воловщина*), *стаця* — питание и фураж для обеспечения подорожных служб, *поворотщина* — приусадебный налог и т. д. Многие виды налогов обозначались субстантивированными номинациями с формантом *-ое*: *посошное* (налог по количеству используемых в хозяйстве сох), *прутовое* (вид приусадебного налога), *поворотное* (налог от одних ворот), *постожное* (плата за сенокосные луги), *подымное* (налог от каждого двора), *торговое* (торговая пошлина), *важчее* (*весчее*, *весебное*) — пошлина, рассчитываемая по весу товара, *лаштовое* — пошлина за продажу сыпучих товаров и т. д. От названий видов налогов образованы и личностные номинации по видам налогоплательщиков: *дякольникъ*, *данникъ*. Сборщики налогов назывались *брачь*, *берчий* (*бирчий*), *поборець*, *мытникъ*, *восковничий*, *соляничий*.

Разветвленная система номинаций существовала и для сферы государственного управления ВКЛ и отражала систему служебной дифференциации: *канцлеръ*, *подканцлерый*, *подскарбий* (*п. земский* — управитель казной ВКЛ, *п. дворный* — управитель личной казной великого князя), *маршалокъ земский* — распорядитель при дворе князя и на сейме, *маршалокъ дворный* — заместитель *м. земского*, *гетманъ наивысший* — военный начальник вооруженных сил ВКЛ, *гетманъ дворный* (*польный*) — заместитель *г. наивысшего*, *хоружий дворный* — начальник отряда дворян, *охмистръ* (*гохмистръ*) — начальник дворян великой княгини, *чаший* — распорядитель напитков, *подчаший* — его заместитель, *крайчий* — придворный, который на торжественных обедах разрезал еду, которая подавалась великому князю, *стольникъ* — ответственный за сервировку великокняжеского стола, *подстолий* —

его заместитель, *кухмистръ* — заведующий кухней при великом князе, *конюший дворный* — начальник конюшни великого князя, *ловчий* — организатор охоты при великом князе и т. д.

Таким образом, общественно-политическая лексика старобелорусского языка характеризуется разветвленной иерархической структурой, небольшой степенью синонимичности, в большинстве своем имеет славянский характер, но насыщена и заимствованиями из латыни, польского и немецкого языков; всесторонне охватывает реалии экономической и социальной жизни общества того времени; основная сфера употребления — памятники делового характера, юридические документы, актовые книги, что свидетельствует об активном функционировании номинаций данного типа в живой речи граждан ВКЛ.

К предыдущей тематической группе примыкает и *торговая лексика*. Связана она с процессом купли-продажи и по своей генетической характеристике принадлежит к древним пластам лексической системы славянских языков. С предыдущей тематической группой ее объединяет функциональный аспект, поскольку все номинации широко отражены именно в памятниках делового характера.

К названиями общих процессов, связанных с торговлей, относится широко употребимый в старобелорусской письменности глагол *торговати* (общеславянского происхождения), в сфере функционирования не ограниченный ни временными, ни жанрово-стилистическими рамками; собственно белорусской номинацией принято считать его синоним *купчити* — мотивированное *купецъ*, правда, аналог встречается в западославянских языках. Еще в ранний период в памятниках письменности встречается германизм *гандлевати*, этимологически восходящий к нем. *handeln*, проникнул он в старобелорусский язык как через польское, так и через еврейское (идиш) посредничество, последний наряду с полным семантическим соответствием *торговати* употреблялся и с оттенком 'обозначение собственно товарообмена': выкинуть тежь овцы и волы и тыхъ которые грошми гандлевали (Зб. 255, 25). Среди частичных синонимов отмеченной лексики в памятниках белорусской письменности встречаются *перекуповати*, *шинковати* — 'торговать вином, водкой и напитками вообще' (ср. нем. *schenken*, через польское посредничество либо через идиш), *купити/ куповати*, *продавати*. Широко представлены в памятниках белорусской письменности и отглагольные образования от названных лексем: *торгъ*, *торгованье*, *торговля*, *гандель*, *купецтво*, *перекупництво*, *перекупъ*, *перекупованье*, *шинкъ*, *продажа*, *продажъ*, *продаванье*; лексема *купецтво*, характерная для древнерусского языка, имела ограниченный характер употребления в белорусских текстах.

Среди названий лиц — участников торгового процесса наиболее распространенным было слово *купецъ*, причем обозначало оно как торговца, так и (хотя и значительно реже) покупателя. Синонимами к первому значению названной лексемы являются *гость*, *торговецъ*, *купчикъ* (без пейоративной окраски), причем номинации *торговецъ* и *купчикъ* рассматривались как названия для представителей мелкого купечества. Вариантные номинации *продавачъ*, *продавецъ* и *продавца* выступали частичными синонимами к слову *купецъ*, причем слово *продавца*

в памятниках полемической литературы периода Брестской церковной унии употреблялось и в переносном значении ‘предатель’: не дивоуса и^ж владыки едины друуги^х зненавида^т абовъ^м и межи апостолми нашолъса продавца (Каз. Кір., 726). Некоторые названия участников торгового процесса обладали дополнительными семантическими признаками: *перекупь*, *перекупка*, *перекупникъ* — ‘торговец, который занимается мелкой продажей (сегодня — продажей в розницу)’, *шытеръ* — ‘перекупщик зерна’. Многие названия торгового люда мотивированы номинациями товаров: *кормникъ* — ‘торговец продуктами питания’, *железникъ* — ‘торговец железом и изделиями из него’, *соленикъ*, *мясникъ* и т. д. Мотивация могла быть и по месту торговли: *крамарь* (*крамникъ*) — ‘торговец, продающий свои товары в лавке (*кrame*)’, *имбарникъ* — ‘торговец, продающий товары со склада’; *шинкаръ*, *шинкарка* — ‘продавец напитков в питейном заведении (*шинокъ*)’, *корчмитъ*, *корчмиха*, *корчмистъ*, *корчмаръ* — ‘продавец в корчме’.

Широко представлены в старобелорусском словаре и названия мест торговли. Так, слово *торгъ* со значением ‘публичное место для торговли’ встречается в памятниках всех жанровых разновидностей и на протяжении всего периода существования старобелорусской письменности. Темпоральную дифференциацию имеет семантика частичного синонима *ярмаркъ*. Еще одна синонимичная лексема *рынокъ*, первоначально обозначавшая центральное публичное место в городе, где проходили социально значимые события, со временем сузила свое значение и обозначало только место торговли; другая синонимичная лексема *торгъ*, наоборот, со временем расширила семантическое поле и уже в старобелорусской письменности обозначала городскую площадь.

Для названия специальных торговых построек в старобелорусском словаре встречаются номинации *крама*, *крамница*, *ятка*, *клетка*, *корчма*, причем слово *клетка* встречается в данном значении только в памятниках делового характера и может квалифицироваться как белоруссизм. Слово *корчма* обозначало место торговли напитками, встречается и во многих текстах конфессиональной принадлежности.

Достаточно разветвленной и продуманной была система номинаций различных метрических единиц в старобелорусском языке (Скурат 1971). Среди названий различных мер обращают на себя внимания те, которые были общеупотребительными на всей территории древней Беларуси: *бочка*, *корець*, *гарнець*; *шнуръ*, *прутъ*, *прутикъ*. Сыпучие вещества чаще всего измерялись не на вес, а на объем: *бочка*, *ведро*, *корець*, *гарнець*, *дежа*, *фаса*, *ушатъ*, *куфа*, *барила*, *кадь*, *кубель* и др. В различных регионах ВКЛ существовали дифференцированные системы мер, поэтому часто в старобелорусских текстах встречаются сочетания типа *мера долгиновская*, *виленская*, *краковская*, *порцовская*, *франковская*. Часть метрических номинаций мотивированы количественным содержанием данной метрической единицы: *полтъ* (мера мяса), *червертъ*, *чвертъ*, *четвертка*, *осмина*, *шестнастка* (меры сыпучих веществ). Первоначально данные номинации обозначали часть общей метрической единицы (например, бочки). Из номинаций линейных мер употребимыми в старобелорусской письменности были слова, полученные

в наследство от древнерусской эпохи: *локоть*, *аршинъ*. В ВКЛ номинация *локоть* употреблялась для измерения тканей как отечественного, так и зарубежного (в основном европейского) производства, чего не наблюдается в древнерусской системе метрических номинаций. При помощи метафорического переноса образовалось дополнительное значение этой номинации — ‘приспособление для отмеривания тканей’. Широко распространенное в белорусских говорах слово *аршинъ*, как ни странно, в памятниках письменности ограничено только несколькими деловыми текстами. Древним белорусам были известны такие термины для обозначения весовых единиц, как *безмень*, *берковескъ*, *ласть*, *кантаръ*, *пудъ*, *фунтъ*. В период самостоятельного развития старобелорусского языка в него проникли номинации *лотъ*, *центнеръ*. Первоначально в данных номинациях присутствовала сема ‘груз, тяжесть’, затем она развилась в более конкретное значение, уточненное определенными цифровыми показателями. Широко употреблялось в старобелорусском языке слово *лаштъ* (германизм, от нем. *Last* — общее название груза, тяжелой вещи), оно обозначало значительную объемную и весовую метрологическую единицу; лаштами измеряли пепел, смолу, соль, то есть те товары, которые продавались большими партиями. Древнерусскому языку неизвестно слово *камень* в метрическом значении, в старобелорусской же письменности оно употреблялось с данной семантикой достаточно широко, в том числе и в памятниках религиозного содержания. Строго регулировалась законодательством система названий денежных единиц. Часть номинаций досталась старобелорусскому языку от древнерусской эпохи и связана с так называемой меховой теорией: *векша*, *куна*, *лобокъ*, *мордка*, *ногата*, *резана*. Однако данные номинации в старобелорусский период уже попали в разряд архаической лексики и употребляются в памятниках летописного жанра. Широко функционировали в памятниках старобелорусского языка номинации *гривна*, *полтина*, *рубль*, *шелегъ*, *пенязь*, *олтынъ*, *деньга*; в эпоху белорусской народности они пополнились словами *золотый*, *грошъ*, *корабельникъ*.

Торговая лексика старобелорусского языка включала в себя слова общеславянского происхождения, собственно белорусские образования и заимствования. Наиболее устойчивыми в языке оказались терминологические номинации с наиболее общим недифференцированным значением. С течением времени сильно изменились номинации, которые были определены системой законодательства ВКЛ (в основном, названия денежных единиц). Высокой степенью витальности характеризуются номинации метрологических единиц. Именно белорусские говоры сохранили до наших дней слова типа *бочка*, *вядро*, *мех*, *фунт*, *пуд* в метрическом значении.

4. Исследования лексики, характеризующей наименования лиц, степени родства

Освящению специфики семантики, словообразования, этимологии и вариативности названий лиц в старобелорусском языке посвящен ряд исследований (Шиколович 1969; Бекиш 1971; Верхов 1970; Казачэнка 1998; Паўленка 1974;

Паўленка 1975). Так, в работе, посвященной наименованиям родства и свойства в старобелорусском языке, автор обращает внимание на то, что «эти названия характеризуются не только давностью происхождения, но и большой устойчивостью на протяжении своего существования» (Шиколович 1969: 4), они широко употреблялись в разговорной речи белорусского народа, и корнями восходят к индоевропейской и общевосточнославянской языковой общности. Среди наименований родства по прямой линии автором отмечены следующие номинации: *отець* и его дериваты *отчина*, *отчичь*, *отчичка*, *отецьство*, *отцовство*; *мати*, *матеръ*, последняя очень быстро вытеснилась белорусским *матка*, дериваты *материзна*, *мачоха*; *сынъ* и производные *пасыноньк*, *сыновая*, *сыновець*; *дци* (*дцерь*), употреблялись в основном в памятниках религиозного характера и *дочка*, синоним, полонизм *цорка*; *отчимъ*, *падчерица*; *дедъ*, *баба* (чаще в памятниках встречается *бабка*), *внукъ*, *внука*. Спецификой в употреблении характеризовались производные от *братъ* и *сестра*: для номинации сына брата использовалась лексема *братаничь* (синоним — *сыновець*), сына сестры — *сестрениць*, лексема *племенникъ* использовалась только в отношении родного сына сестры, для номинаций лиц женского пола использовались корреляты *братанна*, *сестрична*, *сестреница*. Не сохранились в современном белорусском языке лексемы *стрый* и *вуй*, употреблявшиеся для номинации соответственно брата отца и брата матери, в то время как *дядько* употреблялась в значении ‘воспитатель, опекун’; дети братьев и сестер назывались соответственно *стрыичичь*, *тетчичь*, *уичичь* (*вуичичь*). По наблюдениям автора, в более позднем периоде зафиксированы общие понятия *братъ з двоужоньхъ*, *братъ двоюродный*, *упервыхъ братъ*. Отдельная часть работы посвящена анализу номинаций свойства: *мужъ*, *зять*, *своякъ* ‘муж сестры жены’, *своякина*, *швагеръ*, *тестъ*, *теща*, *шуринъ*, *свестъ* ‘сестра жены’, *жона*, *жонка*, *невестка* (и как синоним *сыновая*), употреблялась и в значении ‘жена брата мужа’, *братовая* ‘жена брата’, *свекоръ*, *свекры*, *деверь*, *золвица* ‘сестра мужа’, *ятровка* ‘жена брата мужа’. В процессе исследования автор приходит к выводам о том, что лексическое гнездо каждой из данных номинаций активно пополнялось за счет словообразований и частично за счет диминутивов, которые со временем теряли экспрессивную оценку; в процессе исторического развития бывшие некогда актуальными дифференцированные номинации родства по мужской и женской линии постепенно заменялись общими названиями.

Аналізу наименований лиц по социальной функции, которую они выполняли в древнем обществе, посвящена работа В.А. Бекиша (Бекиш 1971), в которой автор рассматривает названия крестьян и представителей государственной администрации, материал для исследований выбирался в основном из памятников деловой письменности (точнее — из канцелярско-деловых документов). Для номинации крестьян использовались слова *сяляне*, *земцы* (*земець*), последнее, в основном, в памятниках Полоцкой земли, а также различные устойчивые сочетания с центральным компонентом *люди*, *чоловекъ*: *люди волостные*, *чоловекъ волостный*, *люди околичные*, *люди простые*, *люди сельские* и др. Общее значение ‘член общины’ характерно для номинаций *участникъ*, *попличникъ*, *потужникъ*,

сябрь, товаришь, от некоторых возникли и социально-экономические термины типа *сябренность, сябровати, сябренные, товариство*. С течением времени, когда укреплялся государственный аппарат закрепощения крестьян, возникли номинации *тяглые, прыгонные, ясачные, коланные* (мотивированные названиями повинностей *тягло, прыгонь, ясакъ, колань*), а также *звечные, данные, непохожие*. Процесс субстантивации прилагательных и причастий со временем все более широко использовался в данной тематической группе: *чоловекъ отчизный — отчизный, люди тяглые — тяглый*, на основе которых возникли атрибутивные имена существительные: *отчинный — отчичъ, звечный — вечникъ, данный — данникъ, ясачный — ясачникъ, простой — прости, прощане, тяглый — тяглець*. В качестве антонимов употреблялись номинации *люди вольные, чоловекъ вольный, вольный, вольникъ, люди слобоны, слободичи*. Исследователь высказывает наблюдение, что большинство номинаций крестьян имеют общеславянскую языковую основу и представляют собой очень древний, непроемчивый пласт лексики (*люди, людъ, смердъ, кметъ, мужъ, сябрь, товаришь, громада, роба, холопъ, челядь*). Вторая часть исследования посвящена анализу номинаций представителей аппарата государственного управления; обобщающее значение отмечено у слов *врадникъ, заказникъ, честникъ* (образованным от *радити, казати, честь*). Руководители «господарских дворов» назывались *наместникъ (наместокъ, наместничокъ), державца, староста*; по общеславянским словообразовательным моделям образованы номинации *подорожъникъ, поездникъ, гаевникъ, коморникъ, ключникъ; дворанинъ; писаръ, господаръ* и характерные для белорусской языковой общности *борца, райца (радца)*. Как и в случае номинаций крестьян, для данной тематической микрогруппы активным способом образования терминов была субстантивация адъективов *городничий, мостовничий, лесничий, бобровничий, сенничий, бирчий, езвничий, подключий, конюший*. Особое внимание автор исследования уделяет слову *дворанинъ*, которое в старобелорусском языке изменило древнюю семантику и стало обозначать только уполномоченного представителя верховной, великокняжеской власти, синонимами к нему являлись *комисаръ, умоцованый, енераль, возный, коморникъ*; в качестве обобщающей номинации высшего феодального сословия укоренилась лексема *шляхта*. Лексема *приставъ* также сузила семантику и стала употребляться для обозначения служебного административного лица, в качестве видовой номинации функционировала по отношению к наименованиям лиц, сборщиков налогов: *сенничий, восковничий, бирчий, борца, поездникъ, выездчий*. Среди номинаций отмечены также дублетные формы: *бобровничий и бобровникъ, сокольничий и сокольникъ, езвничий и езвникъ, подключий и подключникъ*. Особое место в работе отводится анализу очень распространенного наименования *паны рада*, которое обозначало государственный орган ВКЛ; отмечены в памятниках письменности также варианты *панове рада, рада наша, рада господръская*. Особенность сочетания *паны рада* в том, что оно состоит из двух слов, принадлежащих к одной части речи, из которых невозможно выделить главный и зависимый компонент. В качестве номинаций великого князя автор называет следующие: *господаръ, великий князь, король, княжа, дедичь, панъ*, которые функционировали

в составе терминологических словосочетаний с прилагательным *великий*. По наблюдениям исследователя, большинство номинаций данного лексического объединения не вошло в активный состав лексики современного белорусского языка в связи с утратой реалий, которые они обозначали.

Деловые тексты раннего периода, написанные на старобелорусском языке, являются источником богатого материала тематического объединения наименований лиц, отражающих особое историко-культурное развитие белорусской народности. Так, в Полоцких грамотах зафиксированы номинации следующего порядка: названия служебных лиц высшего ранга (*бурмистръ, воевода, канцлеръ, войтъ, гетманъ, городничый, конюший, маршалокъ, наместникъ, подचाший*); названия подчиненных служебных лиц в соответствии с их должностями и выполняемыми функциями (*бобровничый, борець, биричъ* 'сборщик налогов', *восковничий, врадникъ, высланникъ* 'посланник', *десятникъ, коморникъ, лентвойтъ, ловчий, мерчинный, охмистръ, подвойский, подтивунъ* и др.); названия лиц по социальному статусу и месту проживания (*бояринъ, закладень, земець, мещанинъ, местичъ, огородникъ, одноземець, слободичъ, тяглець*); названия лиц с более общей семантикой (*вельможа, панъ, подданный*); названия членов судебных разбирательств (*виноватець, децкий, ездокъ, збродень, злодей, зрядца, нятець, подсудокъ*); названия лиц, занятых имущественной, коммерческой и финансовой деятельностью (*весецъ, державца, должникъ, заказникъ, коморникъ, купецъ, поручникъ, потужникъ, продавецъ, соляничий, торговецъ, фельшеръ*); названия лиц по профессии и роду занятости (*гончаръ, дойлидъ, дряголь* 'грузчик', *коваль, кожемяка, конюхъ, кравецъ, кушнеръ, млынаръ, муряль, мясникъ, пастухъ, пекаръ, перевозникъ, пивоваръ*); названия лиц по половой, возрастной принадлежности, степени родства (*братаничъ, братъ, братеникъ, вдова, внука, внукъ, внуча, деверъ, девица, дедъ, дитя, дядько, дядьковичъ, жена, зять, мати, матка, сестрична*); названия наследников и предков, представителей предыдущих поколений (*антецесоръ, дедичъ, наследокъ, потомокъ, пращуръ, предокъ, продокъ, щадокъ, счадокъ*); названия представителей религиозной сферы (*архиепископъ, архимандритъ, арцибискупъ, бернадынъ, бискупъ, богомолецъ, владыка, дияконъ, епископъ, капланъ, клырошанинъ*); наименования группы лиц (*братья, поганство, посполство, холопья, челядь*) (Казачэнка 1998).

Наименования лиц рассмотрены также и в работах, посвященных особенностям древнего словообразования (Верхов 1970; Паўленка 1974, 1975). Так, наиболее продуктивными суффиксами в именном словообразовании авторы исследований называют суффиксы *-икъ* (*высланникъ, деланникъ, сушенникъ*), *-никъ* (*барышникъ, бурсникъ, травникъ, долникъ, копникъ, осмникъ, десятникъ, пятьдесятникъ, тысячникъ, обидникъ, наглядникъ, резникъ*), присоединяемый к основам прилагательных, числительных, глаголов; *-овникъ* (*бобровникъ, вахтовникъ, гробовникъ*); *-льникъ* (*опекальникъ, позычалникъ, почиалникъ*); *-чикъ* (*неаполчикъ, сирийчикъ, саксончикъ, евусейчикъ, израилчикъ*); *-акъ* (*-якъ*) (*простакъ, грешнакъ, литвякъ, русакъ, своякъ, ездакъ, спевакъ, байдакъ, жебракъ*); *-ачъ* (*-ячъ*) (*вызнавачъ, выкладачъ, гадачъ, диспутачъ*). В работах М.А. Павленко анализируются женские *potina agentis* с точки зрения различных словообразовательных формантов, участвующих в пополнении

номинаций женского рода в старобелорусском языке. Исследовательница обращает внимание на то, что в основе своей женские *nomina agentis* образовывались от основ соответствующих существительных мужского рода. В период формирования белорусской народности наблюдалось параллельное использование различных словообразовательных формантов для образования дублетных и синонимичных номинаций: *-к-а // -иц-а, -ниц-а, -ј-а, -ин'а, -ов-ая, -ин-ая; -иц-а // -ниц-а, -ин-а, -ин'а, -ев-ая, -ев-а; -ев-ая // -их-а; -ын-ая // -ш-а; -к-а // -их-а; -щин-а // -щызн-а* и под. В результате старобелорусский лексикон пополнился значительным количеством дублетных номинаций, степень витальности которых могло бы определить будущее: *корчмитка — корчмиха — корчмарка, служебная — служебка — служебница, ворожбитка — ворожка — ворожея, канцлеревая — канцлеровая — канцлериная — канцлерша* (Паўленка 1975: 8).

5. Исследования лексики науки, религии

Исследования данных групп лексики нашли отражения в работах, посвященных религиозной терминологии (Будзько 1999), музыкальной терминологии (Бандаровіч 2004), научно-книжной терминологии (ГЛБМ 1970, 212-227).

Религиозная лексика старобелорусского языка. Эта терминологическая группа — одна из самых больших и функционально устойчивых (она насчитывает вместе с дериватами около 5000 слов). Основной особенностью происхождения и функционирования данной тематической группы в старобелорусской письменности является то, что она совмещает в себе номинации православной сферы (в основном, полученные в наследство от древнерусского языка) и католическую терминологию (в связи с широким распространением данной конфессии в ВКЛ и в результате тесных контактов с Королевством Польским). Кроме того, в памятниках всех жанровых разновидностей эти две группы номинаций переплетаются, вступают в различные синонимические и родо-видовые отношения, участвуют в системе глоссирования и т. д. Таким образом, старобелорусские тексты стали своеобразным местом апробации взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния православной и католической терминологии. Ситуация усложнилась в период Брестской церковной унии: во многих полемических текстах, в зависимости от их функциональной направленности, также наблюдается подобное перекрещивание.

Так, например, в системе номинаций теонимов в старобелорусском языке господствующее положение занимают слова *богъ, господь/господь* и *пань*; широко употребляются в текстах сочетания *господь богъ* и *пань богъ*, причем часто в одном и том же тексте: *взгленуль тежь и на насъ господь богъ* (Бер. Саб., предисловие); *за насъ личбоу панюу богу дадоуть* (Там же: 136). Данная специфика характеризует и дериваты от названных лексем: *набожный — побожный, безбожный — незбожный, набожность — божность, безбожность — незбожность, набоженство — побоженство, безбожникъ — незбожникъ, набожне — побожне, безбожне — незбожне*. То же самое наблюдение можно сделать и в отношении номинаций представителей церковного и костельного руководства. К последним относятся номинации,

генетически восходящие к латинским соответствиями, но проникшие в старобелорусский язык через польское посредничество: *каноникъ, кардиналь (гардиналь), легатъ, абатиса, викарий, капеланъ, нунциушь, плебанъ, презвитерь, прелатъ, прероръ, деканъ, подеканы* (заместитель декана), *провинцияль, официаль, парохъ, препозитъ, бискупъ*. Номинации православного руководства представлены, в основном, грецизмами либо семантическими кальками из греческого языка: *архимандритъ, иерархъ, митрополитъ, патриархъ, дидаскаль, дьякъ, дьяконъ, епархъ, игумень, иерей, иеродияконъ, келаръ, клирикъ, попъ, протопопъ* и др.

Широко распространена в старобелорусском словаре лексема *монахъ* и ее варианты (грецизм *монахусъ* и полонизм *мнихъ*). Начиная с XVI в., последняя форма начинает употребляться достаточно широко и по функционированию перестает считаться чистым заимствованием. Для видовых дифференцированных номинаций употреблялись *братъ, босакъ, законникъ, застолникъ, единокъ, еремита, инокъ, калугерь, постриженецъ, пустелникъ, пустынный, старецъ, чернецъ, черноризецъ* и др. Большинство номинаций членов католических и униатских монашеских орденов этимологически восходило к имени святого, в честь которого назван тот или иной орден, либо к имени основателя: *августинъ, базилианинъ, бернардынъ, бенедиктынъ, григорианинъ, доминиканъ, езуитъ, иоанянинъ, франтишканъ*. Номинации монахов, которые занимали различные должностные места в монастырях и орденах либо выполняли там различные функции, представлены лексемами латинского происхождения: *конвентуаль, кумендерь, магистеръ, мистеръ, пелгеримъ*.

В системе номинаций верующих в зависимости от принадлежности к определенной системе вероисповедания в старобелорусской письменности обращает внимание функционирование в качестве синонимических рядов лексем, обозначающих стороны света либо национальную принадлежность верующего (которая в то время в большей степени определялась по вероисповеданию). Так, для названий православных употреблялись номинации *грекъ, православникъ, православный*; для номинаций католиков — *западникъ, заходникъ, латинникъ, римлянинъ*. Заключение Брестской церковной унии не просто давалось всем слоям белорусского населения, поэтому рядом с номинациями *униятъ, унитъ* выступали и антонимы к ним *дизунитъ, неунитъ*. В качестве названия для нехристиан (иудеев) широко использовались номинации *агаранинъ, жидъ, жидовинъ, иуда, юда, иудеанинъ, иудей, юдашь* и т. п.

Наиболее широко межконфессиональная синонимия представлена в микрогруппе названий религиозных праздников и знаковых периодов времени. Так, в текстах старобелорусской письменности рядом встречаются лексемы *праздникъ* и *свято*: три дорочных праздника або свята обходили жидове (Калист, 1, 122), полонизм *свенто* употребляется редко, в памятниках делового содержания: убрали олтарь подчасъ процессьи Божекго Цяла, свента рымского (ИЮМ, 1, 237, 1682). Та же особенность и у дериватов данных лексем: *празнество — светочество, празничный — светочный, празниковати — святковати*. Частичными синонимами вышеотмеченных лексем являются *урочистость, фестъ, юбилеушь*. Для обозначения

дней, которые предшествовали какому-либо празднику, функционировали номинации *вилая, канунъ, навечерье, октава, предпразднество, приготованье*.

Праздник Рождества Иисуса Христа в старобелорусских текстах имел следующие названия: *коляды* (причем в сочетании *русские коляды* — Рождество у униатов), *рождество, божье, господне, панское нароженье*. Праздник Крещения: *водокреци, водохрищенье, епифания, крещение*. Праздник в память оповещения о непорочном зачатии имел следующую систему номинаций: *благовещение, звестованье, свято зачатия девы Марии, свято навеженья девы Марии*. Праздник Воскресения: *великдень (велицедень), велканоць* (в старобелорусских текстах лексема встречается как в форме маскулиnum, так и фемининум), *пасха (нака, несха)*. Дифференцировались Пасхи *жидовская, перешестья, христианская*. Праздник Вознесения Господня: *вознесение Господне, вступленье (уступенье) божье (панское), внебовступенье, небовступленье*. Для номинации данного праздника употреблялась также лексема *Вельканоць*, причем как в форме женского рода, так и в форме мужского рода: *абы вельканоць... была свечона* (Царств., 73); *абы свой велкано^ч святили* (Выкл., 356). Полными и частичными синонимами для названия этого знакового праздника у христиан выступали слова и сочетания *воскресение, смартвыхвстанье, встанье зь мертвыхъ* и под. Поликонфессиональный характер старобелорусского общества обусловил функционирование синонимических рядов: *рождество — коляды — божье нароженье, богоявление — водокреци — епифания — крещение, благовещение — звестованье — свято навеженья панны Марии, троица — пятникостие — пятидесятница*.

При изучении религиозной лексики старобелорусского языка было проведено исследование с целью установления подобных номинаций в современном языке. Более половины отмеченных в древних текстах религиозных номинаций не сохранились в современном белорусском языке. Точнее, они не упоминаются в современных лексикографических источниках. Речь идет, прежде всего, о лексемах, имеющих церковнославянское происхождение, а также о некоторых терминах, функционировавших в католической среде (Будзько 2003: 36).

Отдельно специфике функционирования научной терминологии в старобелорусском языке посвящен соответствующий раздел в коллективной монографии «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (ГЛБМ 1970: 212–227). Автор, З.К. Турцевич, указывает, что «широкое отражение научной терминологии в памятниках старобелорусской письменности — это показатель процесса активного становления и развития белорусской науки, отражение высокого уровня культурной жизни белорусского народа того времени, его широких культурно-научных связей и взаимоотношений с другими, главным образом соседними народами» (ГЛБМ 1970: 212). В работе рассмотрена этимология и семантика наименований научных дисциплин, которые были актуальны для средневекового общества. Начиная со времен Франциска Скорины, общее понятие *наука* начинает дифференцироваться, и старобелорусский лексикон пополняется номинациями *арифметика/ аритметика, геометрия, землемерие, архитектура, астрономия, астрология, звездозаконие, звездозорство, звездочетство, звездочетие; риторика,*

красомовность, красомовство; грамматика, логика; певница, музыка; философия/филозофия; история/гистория/хистория, география, диалектика, ортография, малярство; богословие, теология/феология. Для номинации медицинских знаний использовалась лексема *барберство*. Широко функционировали в памятниках письменности и номинации представителей различных наук: *ученый/учоный, мудрецъ, книдникъ, докторъ* ‘ученый, наставник’, ‘лечащий врач’; *барберъ/балверъ, врачъ, лекаръ, цируликъ; архитекторъ, астрологъ, астрономъ, звездаръ, звездозорца, звездозорець, звездочетець, звездочетца; историкъ/гисторикъ, кройникарь, летописецъ, географъ/еографъ; грамматикъ, медикъ, юриста; философъ/филозофъ, теологъ/феологъ, атеистъ/афеистъ.* Широко представлены в памятниках письменности светского и религиозного содержания номинации, которые характеризуют непосредственно процесс учения: *учень (учение), научение (научанье, наученье);* лексема *школа* первоначально использовалась для называния еврейского молитвенного дома, именно в таком значении она употреблена в грамоте 1388 г., но уже с XVI в. ее использовали для номинации учебного учереждения; среди названий различных учереждений образования встречаются *академия, гимнасия, семинария, училище.* Для обозначения школьного учителя использовались номинации *бакаларъ, дидаскаль, маистеръ (мистръ), наставникъ, педагогъ, прецепторъ, научитель, учитель;* латинизмы *визитаторъ, инспекторъ, экзаменаторъ* служили для обозначения лиц, выполняющих контролирующие функции в системе образования. Номинации непосредственных участников процесса обучения, учеников, представлены следующими лексемами: *учень, ученикъ, ученица, школьникъ, школяръ, жакъ, студей, студентъ.* В названный период совершенствовалась и лингвистическая терминология, пополнялась она из различных источников: *азбука, алфаветъ, абцадло, литера, букштаба, слово, писмо, диалектъ, мова, языкъ.* Книга как источник знаний очень ценилась в средневековом обществе; в качестве наиболее известных и распространенных в разных жанрах письменности номинаций отмечены *Библия, Евангелие, псалтырь, апостоль, кантыкъ, кондакъ, псалмъ, стишокъ, тропаръ, булла, декретъ, епистола, канонъ, шкриптъ.* Большинство номинаций данного тематического объединения восходят по своему происхождению к греческим или латинским соответствиям и проникали в старобелорусский язык либо непосредственно, либо через посредство западноевропейских языков; особенно активным этот процесс стал в период религиозной полемики во время Брестской церковной унии 1596 г.

К названному выше тематическому объединению лексики примыкает и музыкальная терминология, семантические, этимологические и деривационные особенности которой также получили научное освящение (Бандаровіч 2004). Как ни парадоксально, но большинство слов этой тематической группы — заимствования из классических языков — зафиксированы в религиозных памятниках письменности. В качестве общего родового наименования выбрана лексема *музыка*, общее значение отражают общеупотребительные *бримети, гримети, гучати.* Среди заимствований отмечены слова греческого происхождения (*акафистъ, антифонъ, ирмосъ*), латинского (*кредо, канторъ*), при посредстве польского языка

в старобелорусский попали номинации *ляментъ*, *цимбалы*, *цитра*, из романских языков — *лютня*, *флетня*, *шторть*; отмечен автором исследования также германизм *арфа*.

В области словообразования большую роль в данном тематическом объединении сыграли звукоподражания (*брязгати*, *гримети*, *гучати*), наиболее продуктивным словообразовательными средствами выступили суффиксы *-никъ* (*дудникъ*, *звонникъ*, *пищальникъ*, *псаломникъ*), *-ачъ* (*играчъ*, *трубачъ*), *-аръ* (*дударъ*), *-акъ* (*спевакъ*), *-иста* (*органиста*, *лютниста*, *псалмиста*, *цитариста*, *арфиста*, *корнетиста*). Слова данной терминологической группы послужили мотивационными основами для образования прилагательных (*роговой*, *труной*, *скомороший*, *скоморошский*, *акафистовый*, *песенный*). Отмечены также и композиты *краснопение*, *песнопение*, *псалмопение*, *сладкопение*; терминологические словосочетания: двухкомпонентные (*сопль пастырский*, *фуяра пастушская*, *музыкальный инструментъ*, *сосуды пенья*) и многокомпонентные (*инструментъ о десяти струнахъ*). Заимствования проникали в старобелорусский язык разными путями, что стало причиной наличия множества вариантов: орфографических (*арфа*, *арва*, *архва*, *гарфа*, *титра*, *цитра*, *цйтра*), фонетических (*кимвалы* — *цимбалы*), морфологических (*музыка* — *мусикия*), словообразовательных (*сурначъ* — *сурначей*, *скрипка* — *скрипица*). Для номинации музыкального инструмента автор исследования выделила около 20 лексем: *гудьба*, *гусли*, *игра*, *музыка*, *мусикия*, *негинота*, *органъ*, *инструментъ*, *начинье*, *орудие*, *сосудъ*, *строй*). В исследовании также прослеживается путь номинаций в современном белорусском языке, около половины старобелорусских лексем сохранились до сегодняшнего времени практически без изменения семантики, некоторые остались лишь в белорусских диалектах (*звонник*, *играч*), часть лексем изменила семантику в сторону увеличения количества значений (*званок*, *пишчык*, *струна*, *труба*), уменьшения (*арган*, *писк*), утраты музыкальной семы (*більцэ*, *пёрка*), приобретения определенной стилистической окраски (*пішчалка*, *свісцелка*, *скрытіца*).

6. Исследование абстрактной лексики старобелорусского языка

Социально-экономическое развитие средневекового общества, совершенствование гуманитарного знания, серьезная религиозная полемика и концентрация вокруг проблемы человека в окружающем мире содействовали обогащению и развитию семантической группы абстрактной лексики, полученной старобелорусским языком от древнерусского языкового наследия. В трудах В. Сташайтене (1973) и А.В. Портновой (2004) проведен семантический, словообразовательный и жанрово-стилистический анализ абстрактных, зафиксированных в памятниках белорусской письменности. По наблюдениям авторов, данные номинации в большинстве своем восходят к общеславянскому источнику, заимствований среди них совсем немного (*музь*, *вазнь*, *мрокъ*, *кроть*, *киталтъ*). Тот факт, что старобелорусский язык был более открыт иноязычным влияниям, прежде всего из западноевропейских языков, стал причиной большего числа подобного рода номинаций по сравнению с аналогичными в старорусском языке (500 и 355 соответственно —

(Портнова 2004: 7)). Среди абстрем, обладающих новой семантикой, возникшей на старобелорусской языковой почве, В. Сташайтене называет следующие: *цынишь* 'оброк', *бежь* 'установленный порядок', *лесь* 'жеребий' (Сташайтене 1973: 19–21). Анализ производных абстрем позволил автору выделить наиболее продуктивные словообразовательные форманты, с помощью которых пополнялся состав данного тематического объединения: *-ние, -нье, -тие* (*каранье, имение, направованье, внесенье, битье*), *-ость* (*милость, справедливость, чудность, слость, ведомость, уфность, учтивость, одлеглость, вечность, одномыслность*), *-ств-о* (*подобенство, паньство, рыцэрство, мнишество, дедичство/ дедицство, одновладство, послушенство, действо, звытяжство, товарыство, мужество*), *-к-а* (*опека, мука, ласка, позычка*), *-окъ* (*збытокъ, выступокъ, подступокъ*), *-цин-а* (*головщина, подымщина*), *-изн-а* (*дедизна, капцизна, даровизна*), *-н-я* (*погоня, беготня*), *-б-а* (*згуба, жалоба, оздоба, ганба*), *-оть* (*доброть*), *-ежь* (*грабежь, крадежь, платежь*), *-иц-а* (*обетница, розница, темница*), *-знь* (*приязнь, боязнь*), *-в-а* (*гонитва, ловитва, битва*), *-иц-е / -иц-о* (*судище, узилище, ловище*), *-ое* (*лесничое, сенничое, бирчое*), *-л-я* (*торговля, купля, прикупля*), *-л-о* (*жродло, зачало, дякло*). Проанализированы в работе также композиты с абстрактным значением, начальным компонентом которых были *бого-, благо-, зло-*: *богоявление, благословение, злострадание, благочестие, благовещение* и под. В. Сташайтене исследовала также и специфику возникновения переносных значений в семантике абстрактных номинаций, выделив следующие лингво-стилистические средства, способствующие возникновению новых значений: метафора (*болото греховъ, воды сумнения*), метонимия и синекдоха (*мы, волость; впустити в железо; рука Божая, сто головъ детей боярскихъ, огнемъ и мечомъ учинити; хаживати на поганство*), аллегория (*нехай возметь крестъ свой*) и фразеологические единицы (*вести право, дойти правомъ, мордерскимъ обычаемъ, чинити рахунокъ* и др.). В заключении автор делает вывод о том, что «старобелорусский язык в области абстрактной лексики предпочитает форму полисемии на основе метафорического переноса значения слова» (Сташайтене 1973: 87).

Среди других работ, посвященных исследованию тематических групп лексики старобелорусского языка, можно отметить исследования, в которых анализируются метрические единицы (Скурат 1971), темпоральные номинации (Евтухов 1982), военная лексика (Пометько 1985), анатомо-физиологическая и медицинская лексика (Ялоўская 2001), бытовая лексика (Марченко 1965), номинации предметов одежды, головных уборов и материалов для их изготовления (Рабаданова 1991), лексика наименований продуктов, напитков и блюд (Федарэнка 2013; Федарэнка 2017; Гамзовіч 1987).

Практически во всех перечисленных выше исследованиях имеет место структурно-семантический анализ слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе, изучение их этимологии, развития новых значений в период формирования языка белорусской народности, описание их деривационных возможностей, построение терминологических словосочетаний, выявление различных системных отношений внутри определенной ЛСГ (синонимии, вариантности,

дублетности, антонимии), фиксация наличия в современном белорусском литературном языке либо в белорусских диалектах. Изучая более ранние работы, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей выбирали материал из деловых памятников письменности, но уже к концу XX в., когда фактически была завершена работа над картотекой исторического словаря белорусского языка и самим словарем (хотя бы в рукописном виде), исследователи смогли охватить все жанры старобелорусской письменности и представили в работах стилистическую дифференциацию в употреблении изучаемых номинаций.

II. Результаты исследования заимствованной лексики

Исследование лексики по тематическим группам нашло отражение и в ряде работ, посвященных заимствованиям в старобелорусском языке. Общую картину путей проникновения, адаптации и функционирования в белорусских памятниках письменности германизмов посвящена работа И.И. Чертко «Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке» (1967). Автор указывает, что часть германизмов, которых и сейчас достаточно много фиксируется в белорусском литературном языке и диалектах, была заимствована в процессе непосредственных контактов белорусского населения с прибалтийскими немцами. Наряду с фонетическими и морфологическими особенностями адаптации германизмов в старобелорусском языке автор изучает и значение этих слов, а также семантические сдвиги, которые произошли на белорусской языковой почве. Автор исследования выделяет лексико-тематические группы, это: бытовая лексика, в пределах которой изучаются названия домашних предметов и утвари (*варцабы, вата, гакъ, жакгель*); названия построек и их частей (*балка, башта, броварь, ратушь, роштованье*); названия товаров, вещей, изделий (*баволна, бляха, буриштынъ, гонтъ*); названия разных видов одежды и обуви (*абилягъ, вахляръ, занкель, колдро, колнеръ*); социально-экономическая лексика, в пределах которой изучаются названия людей по административной должности и социальному статусу (*бискупъ, буркграбя, бурмистръ, войтъ, гетманъ, кграбя, капланъ*); названия людей по роду занятий (*балверъ, гарбаръ, грундаль, кушнеръ, майстеръ, маляръ, машталеръ*); лексика, связанная с деловыми отношениями и организацией торговли (*вага, гандель, коштъ, крама, лядованье, мыто, рахутокъ, румъ, рынокъ, фрахтовати, фримаркъ*); единицы измерения товаров, меры веса, площади и денежных единиц (*грошъ, лаштъ, моркгъ, ползахцигъ, пудъ*); военная лексика (*блякгаузъ, гелмъ, гуфъ, драбъ, жолнеръ, кнехтъ, куля, мождчеръ, пляцъ*); абстрактные номинации (*бунтъ, варунокъ, друкъ, жолдъ, квалтъ, кунитъ, киталтъ, мордъ, плякга, рада, ратунокъ, смакъ, фалишъ*). Более детальное исследование бытовой лексики немецкого происхождения произведено в работах О.М. Галай (1977).

Всестороннее изучение данная проблематика нашла в многочисленных работах А.Н. Булько, который представил глубокое исследование лексики иноязычного происхождения в старобелорусском языке, провел классификацию этих номинаций в отношении к материальной и духовной культуре белорусского народа,

изучил пути проникновения данных слов в старобелорусский язык, фонетическую, морфологическую, семантическую адаптацию иноязычной лексики в старобелорусском языке и ее деривационные возможности. Являясь одним из создателей картотеки исторического словаря белорусского языка, а также редактором этого фундаментального труда, автор охватил практически полностью весь доступный корпус памятников белорусской письменности, выбрал оттуда иноязычную лексику и классифицировал ее по 14 тематическим группам: общественно-политическая лексика, юридическая, канцелярская терминология; военная лексика; социально-экономическая лексика; профессионально-производственные номинации; бытовая лексика; лексика, которая характеризует человека в физическом, психологическом и интеллектуальном отношении; лексика, характеризующая природу в бытовом и научном освящении; лексика, связанная со счетом и измерением; лексика, которая характеризует науку, культуру, искусство; религиозная лексика; общеупотребительная лексика (Булыка 1980). На широком историческом фоне автор показывает процесс проникновения иноязычной лексики в старобелорусский язык, делает вывод о том, что пополнение старобелорусского словаря путем словообразования на базе заимствований было живым языковым актом; по его мнению, наибольшую словообразовательную активность проявили слова польского, латинского и немецкого происхождения, что свидетельствует о непосредственном контакте белорусского населения с европейскими народами, а также об активном использовании латинского языка в правовой, социально-экономической и религиозной сферах общества.

Новый шаг в изучении заимствований в старобелорусском языке был сделан сравнительно недавно в трудах А.В. Алексиевич (Алексяевич 2020), которая в процессе изучения путей и специфики проникновения божемизмов в старобелорусский язык, а также в поисках методики разграничения полонизмов и божемизмов, определила те тематические группы иноязычной лексики, которые отражали наиболее актуальные реалии для общества того времени: религиозные термины (*бермовати, жекгнати, кацеръ, кляшторъ, костель, крижмо, миа*), военные термины (*башта, гаковница, геваръ, дека, жолнеръ, капалинь, куша, пицаль, торасница*), общественно-политическая, экономическая и социальная терминология (*вердунокъ, владати, гербъ, ланъ, ленный, лотръ, маршалокъ, место, обыватель, подканцлерый*), бытовая лексика (*брама, ванна, газука, едвабъ, замокъ*).

III. Результаты изучения лексического состава конкретного памятника письменности

Исследование тематических групп лексики в белорусской диахронии наблюдается и в работах, посвященных языку отдельных памятников письменности, в которых словарный состав памятника изучается преимущественно по семантическим объединениям. Достаточное количество исследований, осуществленных во второй половине прошлого века и в начале нынешнего, посвящено анализу языковых особенностей памятников деловой письменности. Одной из первых

в этом направлении стала работа Ю.Ф. Мацкевич (Мацкевіч 1954), посвященная языку Литовского статута 1529. В отдельном разделе данного исследования анализируется лексика этого рукописного источника, отражающая, в основном, тематическую направленность текста: лексика государственно-общественного значения, лексика судебного процесса, номинации правительственных лиц, названия представителей различных социальных групп населения. Помимо этого, исследовательница выделили сельскохозяйственную микрогруппу лексики, семейно-бытовую, терминологию измерений и номинации населенных пунктов. Общий вывод в работе свидетельствует о том, что язык анализируемого памятника представляет собой народный литературно-письменный конгломерат языковых средств, отражающий общее развитие белорусского языка в эпоху становления белорусской народности.

Следующей работой в данном направлении следует назвать исследование В.П. Сташайтене «Лексика Литовской метрики (книг судебных дел)» (Сташайтене 1965). При исследовании лексического состава данного памятника письменности автор исходит из членения всего словарного состава памятника на четыре группы: лексика общеславянского наследия, общевосточнославянская лексика, заимствования и собственно белорусские новообразования. В пределах отмеченных лексических пластов исследование ведется по тематическим группам. Так, в области лексических образований нового времени автор отмечает как белорусские существительные, оканчивающиеся на *-чий, -ничий, -никъ* как названия лиц по профессии или роду деятельности (*жорновникъ, сенничий*), слова с суффиксальное флексией *-ое*, представляющие собой значения локального характера или названия видов податей (*городничое, лесничое, подкоморое; выметное, паметное, сенничное*), образования с суффиксальными окончаниями *-иная, -ева*, представляющие собой названия лиц женского пола в значении 'жена кого-то' (*старостиная, воеводиная, пушкарева*). Отдельно в работе анализируются семантические образования, т. е. номинации, которые на белорусской почве приобрели новые оттенки значений. Это наблюдение касается, прежде всего, терминологии политико-административной деятельности (*воевода, судъ господарский, судъ гайный, подсудокъ, лавникъ, головщина, навязка*). Вопросы лексического состава деловых памятников письменности отражены также в работах, посвященных анализу языковых особенностей Вислицкого статута XV в., «Трибунала» (1586 г.), Статута Великого Княжества Литовского (1588 г.) (Паляшчук 1999; Зіманскі 2002; Новік 2003). Особенно богаты в этих памятниках письменности пласты правовой, юридической терминологии, социально-экономические номинации, названия официальной и судебной документации, номинации лиц, участников судебных процессов и под.

Анализ лексических особенностей памятников письменности светского содержания, переводных произведений показал несколько иную тематическую направленность словарного состава древних текстов (Свяжынскі 1990; Дзядова 2001; Ярмоленка 2002). Превалирующие позиции в таких памятниках письменности, как «Записки Федора Евлашовского» (XVII в.), белорусских переводах «Хроники

Матяя Стрийковского» (XVII в.) и «Александрии» (XVII в.), занимает общепотребительная лексика, номинации, характеризующие человека в физическом и психическом отношениях, наименования объектов окружающего мира (природного ландшафта, водных объектов), лексика флоры и фауны, глагольные номинации, номинации со значением признака предмета либо действия и т. д. Авторы практически всех перечисленных выше исследований в своих выводах сходятся в одном: в основе лексической системы анализируемых памятников письменности лежат номинативные средства исконно белорусского происхождения. Отдельно изучен также лексический состав перевода Евангелий от Матфея и частично от Марка Василия Тяпинского (около 1580 г.) (Клімаў 2012), язык данного памятника в отечественной диахронии квалифицируется как эталонный для своего времени, в нем практически отсутствуют иноязычные вкрапления на всех языковых уровнях. Отдельному анализу подверглась религиозная и культовая лексика данного памятника (Там же, 153–159). По наблюдениям автора исследования, «в некоторых случаях Тяпинский явно отказывался от неславянских религиозных терминов и заменял их славянскими» (Там же, 156).

Обобщающей работой по диахронической лексикологии белорусского языка можно назвать коллективную монографию «Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV — сярэдзіны XVI ст.» (Лексіка 2016), авторы которой (И.В. Будько, Н.В. Полещук, Э.В. Ярмоленко, А.Н. Булько) на большом фактическом материале (более 31000 лексем) показали историю становления и функционирования лексики старобелорусского литературно-письменного языка в начальный период его развития. В данном исследовании определены основные тематические группы лексем в текстах трех жанровых разновидностей: деловых, светских и религиозных; авторами сделано наблюдение о том, что доминирование определенных словарных объединений находится в прямой зависимости от содержания произведения, его предназначения, времени и условий создания. Так, в памятниках деловой письменности наиболее полно представлены следующие тематические разряды лексики: общественно-политическая, юридическая канцелярская, экономическая, профессиональная. Жанровая специфика светских памятников письменности обусловила присутствие в них таких тематических разрядов, как военная, природная, ландшафтная, бытовая лексика, лексика, которая характеризует человека в физических и психических отношениях. В текстах религиозного содержания отмечена абстрактная лексика, религиозная терминология, книжная лексика, эмоционально-оценочные номинации, широкое употребление нашли слова в переносном значении, с чем непосредственно связано дальнейшее развитие художественного и конфессионального стилей старобелорусского языка. Авторы данной монографии проанализировали также лексику старобелорусского языка раннего периода с точки зрения этимологии. По их наблюдениям, в основе словарного фонда старобелорусской письменности раннего периода лежит исконно белорусская лексика праславянского, общевосточнославянского и собственно белорусского происхождения; многие номинации древнейшего происхождения подверглись фонетической и морфологической адаптации согласно

сформировавшимся нормам белорусского языка. Широко представлена лексика иноязычного происхождения, к середине XVI в. увеличилось число заимствований из польского, чешского и западноевропейских языков, церковнославянизмы и тюркизмы все реже встречаются в памятниках письменности, латинизмы все активнее проникают в тексты юридического содержания. Все большее распространение на страницах древних текстов приобретают глоссы, эта тенденция отражает стремление старобелорусских книжников толковать заимствованную лексику словами белорусского происхождения.

Заключение

Прошедшее апробацию временем изучение тематических групп лексики старобелорусского языка дало свои результаты и показало перспективу данного направления в диахронических исследованиях. Проанализировано с точки зрения лексико-семантических связей, терминологизации, деривационных возможностей, этимологии, жанрово-стилистических особенностей функционирования, наличия в современном белорусском языке и/ или диалектах около 30 разрядов словарного состава старобелорусского языка (из 36–38 возможных). Как это ни парадоксально, однако на сегодняшний день недостаточно изученным остается один, очень важный вопрос — исследование ядра лексической системы старобелорусского языка, результатом данного исследования могло бы стать создание частотного словаря лексики старобелорусского языка. Следующим шагом в развитии отечественной диахронической лексикологии нам видится изучение динамики лексического состава языка на протяжении всей истории его развития и определение тенденций в развитии лексико-семантической структуры старобелорусского языка в отношении преемственности с белорусским языком XIX — начала XX в. и современным белорусским литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

Алексяевіч 2020: Алексяевіч Г.В. Чэшская моўная традыцыя ў Беларусі на іншаславянскім фоне: старабеларускі перыяд. Дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2020.

Апакр.: Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ. Вильня, 1598.

Бандаровіч 2004: Бандаровіч В.У. Музыкальная лексіка ў старабеларускай мове: структурна-семантычны, этымалагічны і дэрывацыйны аспекты. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2004.

Бекиш 1971: Бекиш В.А. Исследование лексики белорусских памятников XV–XVII вв. (наименования лиц). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.

Бельск.: Летаписецъ то есть кроиника, з розных многих а досветчоных авторов и историков диялектом руским есть зложона. Рукопис Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. IV.688.

Бер. Саб.: Описание и оборона събору руского берестейского. Вильня, 1597.

Будзько 1999: Будзько І.У. Рэлігійная лексіка старабеларускай мовы. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1999.

Будзько 2003: Будько І.В. Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы. Баранавічы, 2003.

Булыка 1980: Булыка А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. Мінск, 1980.

Верхов 1970: Верхов П.В. Суффиксальное образование существительных в белорусском языке XV–XX вв. Суффиксы: -ИКЪ, -ОВИКЪ, -НИКЪ, -ОВНИКЪ, -ЛЬНИКЪ, -ЧИКЪ, -АКЪ (-ЯКЪ), -ЧАКЪ, -НЯКЪ, -АК-А (-ЯК-А), -АЧЪ (-ЯЧЪ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.

Вісл.: Вислицкий статут XV в. // Roman Stanisław i Wituliani Adam. Ruski przekład polskich statów ziemskich z rękopisumskiewskiego. Wrocław; Kraków, 1959.

Выкл.: Толкования библейских книг середины XVII в. Рукопись Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, 9п/111.

Галай 1977: Галай О.М. Бытовая лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977.

Гамзовіч 1987: Гамзовіч Р.С. Лексема *хлеб* у помніках беларускай пісьменнасці XIV–XVII стст. // Беларуская лінгвістыка. 1987. 31, 7–15.

Гилевич 1971: Гилевич Н.И. Из истории социально-экономической лексики в белорусском языке (названия повинностей, налогов, торговых пошлин и административно-судебных платежей в письменных памятниках XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.

ГЛБМ 1970: Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / Рэд. А.Я. Баханькоў, А.І. Жураўскі, М.Р. Суднік. Мінск, 1970.

Даунене 1965: Даунене З. Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле в старом белорусском языке (По памятникам деловой письменности Великого княжества Литовского XV — начала XVII веков) // Lietuvos TSR Aukstuju mokyklų darbai. Kalbotyra. 1965. 11, 49–75.

Даунене 1967: Даунене З. Названия денег и денежных единиц в белорусской деловой письменности XV — нач. XVII вв. // Lietuvos TSR Aukstuju mokyklų darbai. Kalbotyra. 1967. 15, 57–75.

Дзядова 2001: Дзядова А.С. Лексіка «Александрый» (на матэрыяле старабеларускага перакладу пачатку XVII ст.). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Минск, 2001.

Евтухов 1982: Евтухов В.Д. Темпоральная лексика белорусского языка и ее история. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1982.

Зб. 255: Сборник поучений середины XVII в. Рукопись Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских, RKF — 255.

Зеневич 1970: Зеневич З.А. Названия домашних животных в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.

Зіманскі 2002: Зіманскі В.Э. Мова беларускай пісьменнасці ранняга перыяду (на матэрыяле Вісліцкага статута XV ст.). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Минск, 2002.

ИЮМ: Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской. I–XXXII. Витебск, 1871–1906.

Казачэнка 1997: Казачэнка Т.М. Грамадска-палітычная і юрыдычная лексіка ў беларускіх граматах ранняга перыяду // Беларуская лінгвістыка. 1997. 47, 23–30.

Казачэнка 1998: Казачэнка Т.М. Асабовыя намінацыі ў Полацкіх граматах XIV — пачатку XVI ст // Беларуская лінгвістыка. 1998. 48, 39–44.

Казаченок 1976: Казаченок Т. Г. Огородная и садовая лексика в старобелорусском языке (на материале памятников XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1976.

Казачонак, Шадурскі 1975: Казачонак Т.Р., Шадурскі І.В. Садовая лексіка старабеларускай мовы // Беларуская лінгвістыка. 1975. 7, 51–57.

Каз. Кір.: Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского. Вильня, 1596.

Калист: Евангелие учителное, albo казаня на каждую неделю и свята урочистыи презь святого отца нашего Калиста. Евье, 1616.

Кацапов 1978: Кацапов Л.А. Из истории земледельческой лексики в белорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978.

- Клімаў 2012:** Клімаў І. Евангелле ў перакладзе Васіля Цяпінскага. Мінск, 2012.
- Козырев 1970:** Козырев И.С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970.
- Корчиц 1970:** Корчиц М.А. Строительная лексика в языке старобелорусской письменности 15–17 столетий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.
- Купренок 1968:** Промысловая лексика в памятниках старобелорусской письменности XV–XVII вв. (бортничество, рыболовство, охота). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1968.
- Лазовский 1966:** Лозовский В.М. Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1966.
- Лексика 2016:** Лексика старобеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV — сярэдзіны XVI ст. / Будзько І.У. [і інш.]. Мінск, 2016.
- Марченко 1965:** Марченко Е.З. Бытовая лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XIV–XVI вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1965.
- Мацкевіч 1954:** Мацкевіч Ю.Ф. Літоўскі статут як помнік беларускай літаратурнай мовы XV — пачатку XVI ст. Дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1954.
- Мордас 1991:** Мордас Н.Р. Минералогическая лексика в старобелорусском литературно-письменном языке XIV–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Новік 2003:** Новік М.А. Лексика Статута Вялікага Княства Літоўскага (1588). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2003.
- Паляшчук 1999:** Паляшчук Н.В. Мова «Трыбунала» (1586). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1999.
- Паўленка 1974:** Паўленка М.А. Асабовыя назоўнікі жаночага роду на *-ица* ў беларускай мове XIV–XVII стст. // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1974. 2, 161–169.
- Паўленка 1975:** Аднакарэнныя жаночыя *nomina agentis* у старабеларускай мове // Беларуская лінгвістыка. 1975. 8, 3–9.
- Пометько 1985:** Пометько Н.К. Военная лексика в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985.
- Портнова 2004:** Портнова А.В. Абстрактная лексика в истории русского и белорусского языков (XI–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Рабаданова 1991:** Рабаданова Л.И. Названия одежды, головных уборов и материалов для их изготовления в памятниках старобелорусской письменности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Свяжынскі 1990:** Свяжынскі У.М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990.
- Скурат 1971:** Скурат К.В. Наименования метрических единиц в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.) (на белорусском языке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.
- Соссюр 1977:** Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва, 1977.
- Ст. 1566:** Статут Великомо княжества Литовского 1566. Рукопис Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. II. 34
- Сташайтене 1965:** Сташайтене В.П. Лексика Литовской метрики (книг судных дел). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1965.
- Сташайтене 1973:** Сташайтене В. Абстрактная лексика (на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков). Вильнюс, 1973.
- Федарэнка 2008:** Федарэнка Г.У. Прадметна-тэматычныя групы старабеларускай лексікі і іх вывучэнне ў беларускім мовазнаўстве 2-й паловы XX–XXI стст. // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2008, 321–325.
- Федарэнка 2013:** Федарэнка Г.У. Лексема *медь* у помніках беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. // Роднае слова. 2013. 4, 44–47.
- Федарэнка 2017:** Федарэнка Г.У. Назвы посуду для напіткаў у старабеларускай мове // Роднае слова. 2017. 9, 30–33.

Филин 1982: Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Москва, 1982, 227–239.

Царств.: О царствах, краинах и розных землях. Рукопись конца XVI — начала XVII вв. Государственный исторический музей. Сборник синодальный. 790, 68-81б.

Чертко 1967: Чертко И.И. Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967.

Шадурский 1967: Шадурский И.В. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967.

Шадурскі 1966: Шадурскі І.В. Аб тэматычным вывучэнні лексікі старабеларускай пісьмовай мовы // Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966, 175–182.

Шадурскі, Казачонак, Камко 1974: Семантычныя пераўтварэнні ў тэматычнай лексіцы // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1974. Вып. 2, 221–228.

Шиколович 1969: Шиколович А.К. Названия родства и свойства в белорусском языке (на материале памятников белорусской письменности XIV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1969.

Шмелев 1973: Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва, 1973.

Ялоўская 2001: Ялоўская Э.А. Анатама-фізіялагічная і медыцынская лексіка ў старабеларускай літаратурна-пісьмовай мове XIV — пачатку XVIII стст. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2001.

Ярмоленка 2002: Ярмоленка Э.В. Мова беларускага перакладу «Хронікі» М. Стрыйкоўскага пачатку XVII ст. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2002.